

#1 NEW YORK TIMES – BESTSELLING AUTHOR

**САНДРА
БРАУН
ЖАЖДА**

Сандра Браун Жажда

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118575

Жажда / Сандра Браун ; [пер. с англ. Л. Желоховцевой] : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-59364-4

Аннотация

Лорел Холбрук отправляется в Техас, чтобы найти там работу и новый дом. Она надеется на помощь старого друга своих опекунов, Бена Локетта, но выясняется, что он умер при странных обстоятельствах за день до ее приезда...

Пытаясь разобраться, что же на самом деле происходит в доме Локеттов, Лорел оказывается втянутой в жестокие семейные интриги, не последнюю роль в которых играет отчаянный прожигатель жизни Джеред. Неудержимое влечение к нему становится для Лорел настоящим испытанием любви и чести.

Содержание

Уважаемый читатель!	4
1	5
2	13
3	22
4	28
5	36
6	45
7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сандра Браун

Жажда

Посвящается Майклу – средоточию терпения

Уважаемый читатель!

В моей писательской карьере роман «Жажда» занимает особое место – две вещи отличают его от остальных моих произведений. Во-первых, это одна из двух книг, изданных мной под псевдонимом Лора Джордан. И во-вторых, это мой первый исторический роман.

Романы «На закате» и «Новый рассвет» появились много лет спустя. Место действия романа – часть Техаса, носящая название Скалистая страна, время действия – рубеж XIX и XX веков.

«Жажда» – это история нежной, выросшей вдали от света Лорен Холбрук и бешеного, необузданного ковбоя Джереда Локетта.

Их страстная и бурная любовь прекрасно вписывается в рамки жанра, предъявляющего к персонажам особые требования, потому что герои оказались в тисках заключенного по расчету брака.

Как и второй роман – «Шелковая паутина», написанный мной под псевдонимом Лора Джордан, этот исторический роман долго не получал доступа к читателю. Первый издатель бесконечно тянул с его выходом в свет. Перечитав недавно «Жажду», я вновь подпала под обаяние его героев и контрастов в их характерах и теперь приветствую и разделяю радость читателя, узнающего историю любви Лорен и Джереда.

Желаю вам получить удовольствие от «Жажды»...

Сандра Браун Апрель 1994 года

1

Молодая женщина, сошедшая с поезда в Остине, восприняла тепло сентябрьского солнца как физическое прикосновение, как удар. Ее обычно бледные, как слоновая кость, щеки слегка порозовели, а несколько непокорных прядей цвета воронова крыла выбились из-под шляпки. Она обмахивалась носовым платком, внимательно вглядываясь в толпу, стараясь найти в ней высокого седовласого мужчину в знакомой коричневой стетсоновской шляпе¹.

К прибытию полуденного поезда из Форт-Уорта на вокзале собралась довольно многочисленная толпа. Родители обнимали своих вернувшихся сыновей, провожающие махали на прощание уезжающим этим поездом. Просьбы написать как можно скорее и беречь себя, звучащие на английском и испанском языках, сплетались с шипением белого пара, выпускаемого паровозом, и пронзительными свистками, игравшими роль ударных в этом нестройном оркестре. Носильщики с поразительной быстротой управлялись со своими нагруженными багажом длинными плоскими тележками, ловко объезжая пожилых леди, бизнесменов и детей.

Мексиканки в широких ярких юбках выступали по платформе, предлагая самодельные конфеты, цветы и тexasские сувениры.

Вакеро², лениво прислонившись к стене вокзального здания, поигрывали арканами, скручивали сигареты и косо поглядывали на поезд, в который им вовсе не хотелось садиться, потому что они предпочитали открытые пространства и нежно-голубые тexasские небеса узким железнодорожным вагонам.

Многие из этих ковбоев заметили молодую женщину, с надеждой всматривающуюся в каждый подъезжающий экипаж. В ее серых глазах, всего несколько минут назад оживленно блестевших, теперь сквозило беспокойство, потому что толпа на платформе начала редеть. Девушка прошла до конца платформы и вернулась обратно, обольстительно шурша складками платья. При каждом шаге ее изящные башмачки на высоких каблуках постукивали о гладкие доски платформы.

Один за другим вакеро потянулись к поезду, готовившемуся отбыть обратно, в Форт-Уорт. Большинство из них не могло отказать себе в удовольствии бросить долгий, полный томления взгляд на девушку, явно обеспокоенную, но такую свеженькую, несмотря на жару.

Раздался скрежет колес о рельсы, поезд выпустил гейзер пара, засвистел и медленно, дюйм за дюймом, двинулся от станции, постепенно набирая скорость, и наконец скрылся из виду.

Платформа опустела. Торговки-мексиканки прикрыли кто чем свои товары в корзинках, носильщики откатали тележки в тень вокзального здания.

Девушка в темно-синем саржевом костюме, белой английской блузке и бронзового цвета шляпке стояла возле своего нехитрого багажа и казалась заброшенной и одинокой.

Эд Треверс суетливо семенил к выходу из здания вокзала. Оказавшись на платформе и увидев девушку, он одернул жилет на своем круглом брюшке и поспешил к ней.

– Мисс Холбрук? – осведомился он вежливо. – Мисс Лорен Холбрук?

Услышав свое имя, девушка улыбнулась, ее испуганные глаза вновь заблестели, а прекрасно очерченные губы приоткрылись, обнажив мелкие белые зубки.

– Да, – ответила она, – я Лорен Холбрук. Это Бен... мистер Локетт прислал вас за мной?

Эд Треверс скрыл свое изумление за ободряющей улыбкой.

¹ Мужская шляпа с высокой тульей и широкими полями, обычный головной убор ковбоев. – Здесь и далее примеч. перев.

² Пастух, ковбой (исп.).

– Нет, мисс Холбрук, не совсем так. Я Эд Треверс – начальник станции. Сожалею, что заставил вас ждать, но телеграф... эта машина... – Он запнулся, досадуя, что попал в такую щекотливую ситуацию. – Простите, что заставил вас так долго ждать на этой жаре. Пойдемте, я все вам объясню.

Он сделал знак отдыхающему в тени носильщику. Тот с неохотой поднялся, чтобы забрать и унести багаж Лорен.

Мистер Треверс снял с головы котелок и указал им в конец платформы. Однако Лорен все еще колебалась.

– Но мистер Локетт сказал мне...

– Мистер Локетт приехал за вами, мисс Холбрук, но занемог и попросил меня...

– Бен заболел? – побледнев, спросила Лорен, в тревоге сжимая руку начальника станции.

Ее реакция удивила Эда Треверса. И что это она все время поминает Бена Локетта? Что общего может быть у такой девушки с этим старым хрычком? Она красива. Слов нет. А относительно дам у Бена всегда была губа не дура. Все в Техасе знали, что за брак был у Бена с Оливией, но даже если и так, эта девушка все-таки смущала его. Откуда она взялась? Зачем ей понадобилось ехать в Техас на встречу с Беном Локеттом? Ей не больше двадцати, а Бену уже за шестьдесят. Может быть, родственница. На шлюху она уж никак не похожа. Да и зачем бы Бену устраивать здесь свою любовницу? Он...

– Пожалуйста, мистер Треверс. – Взволнованная Лорен дожидалась ответа, а этот приятный, добрый человек изучал ее с пристальным вниманием, невольно вызывающим беспокойство.

Она проделала тяжелое путешествие из своего дома в Северной Каролине только для того, чтобы убедиться, что Бен ее не встречает. Это достаточно неприятно. Разумеется, он предупредил ее, что если ему не удастся вырваться из Коронадо, то он кого-нибудь за ней пришлет.

– Мистер Локетт болен?

– Бен? – сдержанно переспросил Треверс. Потом, прочистив горло, ответил: – Нет, не Бен. Я так понимаю, что он прислал за вами Джереда, и вот он-то как раз и занемог.

Треверс вел ее по платформе, дружески и ободряюще поддерживая за локоть.

– Джеред? – спросила она.

Бог мой! Она даже и не знает о Джереде! В таком случае очень прискорбно сознавать, что этой прелестной молодой женщине предстоит с ним познакомиться. И все из-за Бена. Но что он задумал на этот раз? У него репутация любителя розыгрышей и сюрпризов, как правило, крайне обременительных для тех, кто имеет с ним дело. Но неужели пресловутое чувство юмора Бена настолько безгранично, что он выбрал жертвой такое невинное создание, как мисс Холбрук? За те несколько минут, что Эд Треверс провел в ее обществе, он заключил, что Лорен Холбрук – доверчивое и наивное существо, даже чересчур доверчивое, хотя в третьем году двадцатого столетия эти качества вызывали удивление.

– Джеред – сын Бена, мисс Холбрук, – ответил он терпеливо. – Разве Бен не говорил вам о нем?

Лорен с готовностью рассмеялась:

– О да, он рассказывал мне, что у него есть сын. Хотя не помню, называл ли он его имя.

Ее улыбка погасла, сменившись выражением озабоченности.

– Он болен?

– В известном смысле, – ответил Треверс хрипло, крепче сжимая ее руку, потому что они как раз начали спускаться по ступенькам платформы. В нескольких ярдах от платформы Лорен увидела длинную повозку. Зеленая краска на ее боках потускнела и облупи-

лась, колеса были заляпаны грязью. Две лошади, впряженные в повозку, щипали траву под огромным пекановым деревом.

Еще один конь масти паломино³ и великолепных пропорций был привязан к повозке. Он гордо встряхивал светлой гривой, как бы выражая протест против унижающего его достоинство воссоединения со столь убогим средством передвижения.

– По-видимому, мисс Холбрук, Бен отправил за вами молодого Джереда. Прошлой ночью он прибыл из Коронадо. А сегодня утром, почувствовав, что не может выполнить данное ему поручение, он попросил меня сопровождать вас до его дома. Боюсь, что это путешествие будет не особенно комфортным. Прошу прощения, но эта повозка – лучшее, что я сумел найти за столь ничтожный срок.

– Я уверена, что мне будет удобно.

Она улыбнулась. От ее улыбки и нежного голоса у Эда Треверса закружилась голова. Он мысленно обругал себя старым дураком и поспешил к повозке.

Начальник станции помог Лорен взобраться на рахитичное сиденье. Носильщик бесцеремонно бросил ее багаж на дно повозки, и вдруг она услышала приглушенный стон.

От изумления Лорен на мгновение задержала дыхание, увидев долговязую фигуру, распростертую на полу в задней части повозки.

– Мистер Треверс! – крикнула она. – Он серьезно пострадал?

– Нет, – ответил тот, – только слегка не в форме. Выживет, хотя, возможно, скоро и пожалеет об этом.

Последние несколько слов он пробормотал скороговоркой, и их смысл ускользнул от Лорен.

Она расположилась как можно удобнее на неуклюжем сиденье. Коричневая кожа обивки потрескалась и местами полопалась, из прорех торчала сбившаяся в жесткие комки вата. Ржавые пружины застонали под ее легким телом. Лорен старалась смотреть только на дорогу впереди.

– Мне надо на минуту вернуться на станцию, мисс Холбрук, поговорить со своим помощником. Если вы проявите ко мне снисходительность, мы тронемся без дальнейших проволочек.

Эд Треверс снова снял шляпу и направился к зданию вокзала. Носильщик последовал за ним.

Лорен вздохнула. Конечно, совсем не такой встречи она ожидала, но, во всяком случае, все это необычно. И она улыбнулась, ощутив чистую радость оттого, что оказалась в Техасе и что ее путешествие подошло к концу.

Неужели прошло всего три недели со времени ее встречи с Беном? А кажется, минула целая вечность. Столько всего произошло с тех пор, как он навестил ее покровителей и неожиданно пригласил ее приехать в Техас.

Они сидели в гостиной пасторского дома. Лорен разливала чай – это была одна из ее обязанностей, когда преподобный Абель Пратер и его жена Сибил принимали гостей. А гости у этой пожилой супружеской пары, радушно открывшей свой дом для Лорен, когда восемь лет назад умер ее отец-священник, бывали часто. Она любила Пратеров, хотя и признавала, что они были довольно ограниченными людьми во всем, что выходило за пределы сферы их деятельности и интересов. Большинство их посетителей были священники или прихожане.

Но в тот необычный день у них был особенный гость. В последние три года войны Бен Локетт служил в армии конфедератов⁴ вместе с молодым капелланом Пратером. Их отноше-

³ Особая масть – лошади паломино медового цвета с белыми гривой и хвостом.

⁴ В Гражданской войне 1861–1865 гг. конфедератами называли себя сторонники южных штатов.

ние к жизни было совершенно разным, но эти двое мужчин наслаждались обществом друг друга и находили удовольствие в спорах, где каждый придерживался своей точки зрения, касалось ли это военных или религиозных вопросов.

После войны Бен Локетт покинул родную Виргинию, предпочтя ей неизведанные просторы Техаса. Он относился к племени честолобивых и напористых молодых людей, не боялся создавать целые империи на необъятных равнинах Техаса. Через сорок лет после окончания войны между Севером и Югом Бен Локетт стал богатым скотоводом и влиятельным человеком.

Импозантный техасец заинтриговал Лорен. Высокая, поджарая фигура не выдавала его возраста, о нем свидетельствовали, пожалуй, густые белоснежные волосы, зачесанные назад с широкого, высокого лба, создавая над ним нечто вроде хохолка. Голубые глаза весело поблескивали из-под седых косматых бровей, словно мир постоянно смешил и забавлял его. Но Лорен заметила, что иногда взгляд Бена становился пронизывающим и ледяным, особенно когда его охватывали презрение или гнев.

Он заговорил с ней, и его голос показался девушке низким и сочным.

– Скажите, мисс Холбрук, что вы думаете о Техасе. Как и большинство техасцев, я считаю, что каждый должен быть в восторге от него.

Он пристально смотрел на нее из-под косматых бровей, но взгляд его был дружеским.

– Я... я мало о нем знаю, мистер Локетт, – ответила она честно. – Я читала об Аламо и знаю, что штат когда-то был республикой. Что же касается остальных моих познаний, то они сводятся к впечатлениям от обложек дешевых книжек, которые мне случалось видеть в книжном магазине. Как правило, на них изображены ограбления поездов, угон скота и салуны. Не знаю, насколько это отражает жизнь в Техасе.

Бен откинул назад голову с копной белоснежных волос и разразился громовым хохотом. От этого смеха задрезжали фарфоровые фигурки, в изобилии украшавшие все мыслимые и немыслимые уголки перегруженной безделушками гостиной Сибил Пратер.

– Ну у нас, конечно, бывают ограбления поездов. Что касается салунов, то, прошу прощения, Абель, я и сам бывал в некоторых из них. А угонщиков скота мне случалось преследовать вплоть до Мексики. – Он помолчал. – Может быть, картинки, виденные вами, в этом отношении и правдивы, мисс Холбрук.

С минуту он внимательно изучал ее и неожиданно сказал, будто бросил вызов:

– Почему бы вам не поехать со мной в Техас и не убедиться в этом самой?

Послышались испуганные возгласы.

– Бен, ты, конечно, шутишь! Я и забыл, как ты любишь подначивать, – рассмеялся Абель.

– Позволить моей Лорен отправиться в Техас, где живут индейцы?! – воскликнула Сибил. Жабо, прикрывавшее ее пышную грудь, затрепетало от возмущения.

– Что за нелепое предложение! – присоединился Уильям.

Уильям. Да, Уильям Келлер тоже присутствовал.

При воспоминании о нем даже в эту удушающую жару ее передернуло, как от озноба. Лорен постаралась изгнать из своего сознания все, что связано с Уильямом. Она не позволит мыслям о нем испортить ей свидание с Беном Локеттом.

Снова послышался стон, на этот раз сопровождающийся невероятными ругательствами, и это вывело Лорен из состояния задумчивости. Она робко повернула голову к страждущему. Ее взгляд сначала остановился на нарядном седле с серебряными накладками филигранной работы, красиво поблескивающими на черной коже. Ее дорожные сумки находились на дне повозки, возле ног мужчины.

Быстро оглядев расprostертое тело, Лорен подумала, что мужчина должен быть очень высоким. По первому впечатлению он казался стройным и хорошо сложенным. Лорен при-

ступила к более детальному осмотру, начав с сапог, и разглядывала лежащего мужчину со все возрастающим любопытством, не в силах оторвать от него взгляда.

Черные сапоги из мягкой, хорошо выделанной кожи доходили ему до колен. Черные брюки были заправлены в сапоги. Лорен залилась румянцем, увидев, как плотно они обтягивают его длинные мускулистые ноги и бедра, словно вторая кожа.

У Лорен перехватило дыхание, когда ее будто магнитом притянутый взгляд остановился на выпуклости между бедер. Узкие брюки не только не скрывали, а, наоборот, подчеркивали детали его сложения. Лорен, воспитанной в отдалении от лиц мужского пола и в полном неведении о том, как они выглядят при ближайшем рассмотрении, это зрелище казалось непристойным. Как можно проявлять столь вопиющую небрежность в отношении собственной персоны, недоумевала она.

Ее ладони под перчатками вспотели.

Лорен с усилием перевела взгляд с развилки между его бедрами выше, к груди. Рубашка цвета бычьей кожи была небрежно заправлена в брюки, удерживаемые на талии ремнем. Рубашка, застегнутая только на две нижние пуговицы, не прикрывала широкую грудь, поднимавшуюся и опускавшуюся от равномерного дыхания. Грудь плавно сужалась к плоскому животу и была покрыта легкими каштановыми волосами, золотящимися под лучами солнца, проникавшими сквозь ветви пеканового дерева.

Никогда прежде Лорен не видела мужчины без рубашки. Однажды какой-то прихожанин преподобного Пратера подцепил сильную лихорадку, и она случайно увидела его обнаженный торс, когда одна из замужних дам, ухаживающих за больными, купала его. Страдалец был тучным, с розовой кожей и гладкой, безволосой грудью. Нет, он ничуть не походил на этого.

Лорен проглотила комок, подступивший к горлу, и прижала руку к животу, где начиналось какое-то брожение.

Джеред Локетт снова застонал, и Лорен задержала дыхание, боясь, что он проснется и заметит, что она разглядывает его с постыдной дерзостью. Но он только глубоко вздохнул, при этом его живот еще больше запал, образовав глубокую впадину. Рука поднялась и легла на грудь. Ладонь была большой и загорелой, с длинными, сильными пальцами. На ее тыльной стороне росли волоски такого же цвета, что и на груди, вызолоченные солнцем.

Мощная, как колонна, шея уходила в широкие, сильные плечи. Лорен подняла глаза к его лицу и была горько разочарована. Лицо закрывала черная шляпа с низкой тульей и широкими полями. Сын Бена возбудил ее любопытство, и ей захотелось увидеть лицо, венчающее это длинное, стройное тело.

Эд Треверс застал Лорен врасплох, и она чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда он отрывисто сказал:

– Ну, я думаю, мы можем трогаться.

Девушка была так погружена в созерцание Джереда Локетта, что не заметила, как начальник станции вернулся.

– Это чрезвычайно любезно с вашей стороны, мистер Треверс. – Лорен и сама была удивлена, насколько ровно и буднично прозвучал ее голос. Неприятное ощущение из области желудка поднялось к груди и подступило к горлу. Эти признаки приближающейся истерики были непривычны для всегда спокойной и безмятежной Лорен Холбрук.

– Не стоит и говорить об этом, – поспешно заверил ее Треверс.

Он щелкнул языком, побуждая забрызганных грязью лошадей стронуться с места, и повозка влилась в поток транспорта, заполнившего улицы столицы Техаса. Они ловко объезжали тележки, экипажи и одиноких всадников, стремясь к выезду из города. На улицах не было ни одного автомобиля, которые Лорен видела во время своей недавней поездки в Рэли.

Извилистая дорога позволила ей увидеть со всех сторон здание Капитолия.

– Я думаю, вы вполне оправданно гордитесь зданием своего Капитолия. Я о нем читала. Оно весьма впечатляет.

Треверс улыбнулся:

– Красный гранит из каменоломни недалеко от ранчо Локетта.

– «Кипойнт», – заметила Лорен.

Она вспомнила, с какой гордостью Бен рассказывал ей о своем ранчо. Он просиял, когда она отметила удачное сочетание фамилии Локетт с названием Кипойнт⁵.

– Удивительно, но очень не многие люди это замечают, – сказал он, широко улыбнувшись, отчего глубокие складки вокруг его рта превратились в некое подобие ямочек.

Улыбка тронула губы Лорен при этом воспоминании, и Треверс искоса посмотрел на нее. Так она знает о «Кипойнте». А знает ли она, кто там живет?

– Вы прежде бывали в Техасе, мисс Холбрук?

– Нет, не бывала. Вот почему я с таким восторгом приняла приглашение Бена приехать и пожить немного в его семье.

Треверс так резко дернул поводья, что повозка накренилась. Она собирается пожить у них? В Коронадо? Или в «Кипойнте»? Ни одно из этих мест не подходило для нее, это просто невысказано. Ясно как день, что эта девушка – сама невинность. Да что случилось с Беном Локеттом? Уж не спятил ли он?

Они уже выехали из города и теперь направлялись на запад. Когда Лорен вынула шпильки, удерживавшие ее шляпку, Треверс позволил себе заметить:

– На вашем месте я не стал бы ее снимать, мисс Холбрук. У нас жаркое солнце, и ваш хорошенький носик облупится.

Лорен согласилась с ним и снова надела шляпу, но сняла жакет. Легкий ветерок, усиливающийся движением повозки, до известной степени охлаждал ее влажную кожу.

Когда Лорен уселась на прежнее место, Треверс вернулся к своим размышлениям. Дикая бык там, на дне повозки, уже был достаточным основанием для того, чтобы не позволить порядочной женщине жить под одной крышей с этим семейством.

Джеред Локетт был притчей во языцех во всем штате по причине своего порочного поведения и пьянства. В молодости его считали юным прожигателем жизни, но с тех пор, как ему исполнилось тридцать, его эскапады стали вызывать всеобщее презрение. Когда же наконец Джеред возьмется за ум и будет вести себя достойно? Не похоже, что скоро, мрачно решил Треверс.

Всего месяц назад Джеред вызвал большое смятение на вокзале в Розенбурге. Вместе со своими безалаберными приятелями он пришел в заведение Харви и провел там весь день за выпивкой и игрой. Их присутствие нельзя было не заметить – они вели себя, как стая диких собак. Джеред стал приставать к одной из самых привлекательных девушек Харви с недостойными предложениями. Официантки в железнодорожных ресторанах Санта-Фе известны своей строгой нравственностью. Единственным предложением, которое мог сделать мужчина одной из этих молодых особ, должно было быть предложение вступить в брак и жить в уютном винограде домика.

Когда девушка решительно отвергла его домогательства, Джеред начал вести себя агрессивно. Управляющему пришлось выкинуть его вон, но уже после того, как он устроил побоище, разломав кучу мебели и разбив гору посуды, при этом дрался, как демон, вырвавшийся из ада, и даже поколотил нескольких посетителей. Шестеро мужчин с трудом обуздали его.

Итак, вздохнул про себя Треверс, возможно, эта молодая женщина ничего не знает о проделках Джереда Локетта. Вне всякого сомнения, они напугали бы ее до смерти.

⁵ Лок – замо́к, Ки – ключ.

– В сентябре здесь всегда так жарко? – спросила Лорен, пытаясь вовлечь начальника станции в разговор. Присутствуя на всех приемах у Пратеров уже много лет, она в совершенстве овладела искусством вести ничего не значащую беседу. Мистер Треверс был добр к ней, но по его нахмуренному лбу, озабоченному выражению лица и взглядам, которые он изредка бросал на нее, Лорен видела, что он чем-то озадачен. Неужели она так не похожа на жительниц Техаса?

– Да, – ответил он, стараясь ободрить ее улыбкой, – обычно первые приезжие с севера появляются здесь в конце октября. Большею частью сентябрь у нас бывает жарче июня или даже июля. А как насчет... – Треверс запнулся, не закончив фразы, но Лорен поняла, что он хотел спросить.

– Северной Каролины? Я жила, живу в Клейтоне. Это маленький городок недалеко от Рэли. И там... нет, в сентябре там не бывает так жарко.

– Так вы там познакомились с Беном? – спросил он с любопытством. На ее утвердительный кивок он отреагировал новым вопросом: – Что же Бен делал в Клейтоне?

Лорен рассказала о дружбе между своим опекуном и владельцем ранчо.

– Многие годы они переписывались, но последние десять лет или около того письма стали приходить нерегулярно. И вот на обратном пути из Нью-Йорка, где он был по делам, Бен решил навестить старого друга.

– Сколько времени вы живете со своим опекуном?

Может быть, он проявляет излишнее любопытство? Он не хотел ее обидеть, и ни один человек в здравом уме не рискнул бы раздражать Бена Локетта. Однако она ответила ему с готовностью и без всякого смущения:

– Мой отец тоже был священником. Абель Пратер был его начальником. Мне исполнилось двенадцать, когда отец умер. Пратеры дали мне дом и семью.

– А ваша мать? – спросил Треверс тихо.

– Мне было три года, когда она умерла родами. Младенец, мальчик, родился мертвым. Ее голос стал еще более тихим и нежным. Треверс заметил, что Лорен потрогала часы-брошь, приколотые к блузке как раз в том месте, где возвышались два упругих холмика девичьей груди.

Эта маленькая брошь – единственное, что осталось у нее в память о матери. Она и еще портрет ее родителей в день свадьбы. Лорен пыталась вспомнить дни, проведенные с этой хорошенькой миниатюрной женщиной, изображенной на портрете, но воспоминания не приходили.

Лорен часто думала, что скрывалось за этим робким взглядом, смотрящим на нее с портрета, каким человеком была ее мать. В минуты тяжелых переживаний или накатывающей тоски по материнской ласке она прикасалась кончиками пальцев к часам, словно этот простой жест мог приблизить ее к матери, заменить общение с ней. Это стало привычкой, смысла которой Лорен не сознавала.

После смерти молодой жены Джеральд Холбрук полностью посвятил себя работе. Он погружался в религиозные книги и обдумывал теологические доктрины в часы, свободные от службы или подготовки к проповеди. И если заботы о его юной дочери падали на плечи очередной домоправительницы, то такова была цена, которую надлежало платить за преданность Христову делу. Лорен знала, что отец по-своему любит ее, и не огорчалась из-за недостатка его внимания, но не могла не чувствовать этого. Она была бы рада более явному проявлению отцовской любви, но понимала, что отец, как Бог, существовал в другом мире.

Лорен была послушным ребенком, спокойным и ненавязчивым, и тихо сидела возле отца, когда он занимался в библиотеке. Она рано научилась читать, и персонажи книг стали ее товарищами по играм и поверенными ее тайн. Ее одноклассники не ощущали особой

потребности вовлекать «священникову дочку» в свои игры и проказы. Одиночество научило Лорен придумывать для себя развлечения.

Когда Джеральд Холбрук умер, Лорен почти не скучала по нему. Она переселилась в дом Пратеров и без возражений подчинилась укладу их жизни. Они были добрыми людьми и бездетными, поэтому с радостью приняли в свой дом девочку-подростка. Чета Пратеров ничего не жалела для Лорен и даже наняла ей учителя музыки. Девочка оказалась музыкально одаренной, и фортепиано стало ее страстью так же, как и книги.

Каждый, кто приходил в изобилующий безвкусными безделушками дом Пратеров, тут же узнавал о том, как они гордятся Лорен. Она ни разу не обманула их доверия и не разочаровала их.

До тех пор, пока не появился Уильям. Как несправедливо, что их отношение к Лорен изменилось из-за него! Ее не в чем было обвинить!

– Мисс Холбрук? – Эд Треверс уже в третий раз задавал ей один и тот же вопрос. Наконец ему удалось привлечь ее внимание.

– Прошу прощения, мистер Треверс. Что вы сказали?

Опущенные поля шляпки не могли скрыть ее покрасневших щек. Она была явно смущена из-за того, что слишком глубоко ушла в свои мысли.

– Я спросил вас, не хотите ли вы пить, – сказал Треверс, доставая из-под сиденья флягу, которую он наполнил водой перед отъездом.

– О да, благодарю вас. – Лорен потянулась к фляге.

Она никогда раньше не пила из фляги и, когда наклонила ее и сделала крошечный глоток, как и подобает леди, почувствовала себя пионером – завоевателем Запада.

Именно в этот момент колесо повозки попало в глубокую колею. От толчка часть воды вылилась на ее блузку. Лорен вытерла подбородок, с которого стекала вода, и восторженно рассмеялась. Ее смех резко оборвался, когда из задней части повозки донесся стон, сменившийся яростным проклятием:

– Сукин сын!

2

Лорен так резко повернула голову, что у нее заболела шея. Рука Джереда поднялась и надвинула шляпу на лицо еще ниже. Он переместил свое длинное тело в другое, более удобное положение, при этом его мышцы сначала напряглись, потом расслабились. Его неторопливые движения были одновременно и отталкивающими, и возбуждающими.

Лорен бросила взгляд на отчаянно покрасневшего Эда Треверса.

– Прошу прощения, мисс Холбрук. Не обращайтесь ни малейшего внимания на его лексикон. Он...

Она перебила его:

– Что с ним такое?

Лорен испугалась, что сын Бена серьезно занемог.

– Он... он, должно быть... сильно набрался вчера вечером.

Заметив ее полное непонимание, Треверс неохотно пояснил девушке, в чем дело. Пора ей кое-что узнать о Джереде.

– Он слишком много выпил. Разве вы не видите, – сказал он, волнуясь, – и...

– Выпил? – переспросила она недоверчиво. – Так у него похмелье?

Она перевела полный неподдельного ужаса взгляд на распростертую на дне повозки фигуру. Никогда в жизни ей не приходилось видеть человека в такой стадии алкогольного опьянения. В пасторском доме добрый стакан шерри или вина на День благодарения и на Рождество составлял максимальное количество потребляемых спиртных напитков.

По-видимому, Джереда снова сморил сон. Из-под черной шляпы доносилось негромкое похрапывание.

– Пожалуйста, не сердитесь и не огорчайтесь, мисс Холбрук. Это случается довольно часто. Хорошо еще, что его не сцапал шериф и не отправил отсыпаться в тюрьму. К счастью, он добрался до меня нынче утром и попросил встретить ваш поезд и отвезти вас обоих в Коронадо. Он заснул примерно за час до вашего прибытия.

– Бен говорил мне, что если не сумеет приехать в Остин сам, то пришлет кого-нибудь. Полагаю, Джеред не был в восторге от возложенного на него поручения, – заметила Лорен.

– В восторге он был или нет, но он прекрасно знал, что лучше ему сделать то, что велел папочка. Несмотря на то что они такие разные, Джеред Локетт очень уважает своего отца.

Лорен вздохнула, бросив через плечо укоризненный взгляд на лежащего Джереда:

– Трудно поверить, что Джеред Локетт испытывает должное уважение к кому-нибудь или чему-нибудь.

Эд Треверс сдавленно хмыкнул, стараясь направлять повозку таким образом, чтобы снова не угодить в глубокие рытвины на дороге.

– Вероятно, вы правы, мисс Холбрук.

Он отдался собственным размышлениям, и беседа между ними прекратилась. Лорен занялась тем, что стала смотреть на расстилавшийся вокруг пейзаж.

Бен рассказывал ей, что живет в холмистом крае, и теперь она убедилась в этом воочию. Вокруг возвышались покатые холмы, покрытые уже побуревшей в эти первые дни осени травой. Справа весело бежала по каменистой земле затененная кипарисами река. Под невысокими кедрами пасся скот.

По мере того как солнце клонилось к западу, становилось все жарче. Лорен чувствовала, как струйки пота стекают у нее по шее. Ей очень хотелось снять шляпку и обмахиваться ею, вынуть шпильки из своих густых, тяжелых волос и позволить легкому ветерку поиграть ими.

Ее волосы были наказанием для всех домоправительниц, служивших у Джеральда Холбрука. Их мытье и расчесывание являлись постоянной причиной глухого ропота. Миссис Доротея Харрис, вдова с суровым характером, бывшая экономкой в их доме с тех пор, как Лорен исполнилось семь, и до самой смерти отца, заявляла, что волос Лорен хватило бы на шестерых. Каждое утро она грубо стягивала их и так туго заплетала, что у Лорен навертывались слезы на глаза. Отец редко одаривал Лорен комплиментами, но иногда говорил, что густые черные волосы достались ей от матери. И в этом был источник тайной гордости Лорен.

Конечно, сейчас она не могла позволить себе распустить волосы. И речи быть не могло, чтобы приехать в дом Локеттов без шляпки, не говоря уж о распущенных волосах.

Лорен мрачно посмотрела на свою запыленную юбку и с тоской подумала о том, что прибудет к месту назначения растрепанной. Что подумает о ней Бен? Наверное, ему будет стыдно за нее, и он пожалеет о своем приглашении. Лорен очень хотелось произвести приятное впечатление на его семью.

Лорен попыталась отряхнуть юбку, но вылетевшее в воздух облако пыли тут же опустилось обратно. Покоряясь неизбежному, она вздохнула и опустила руки на колени.

– Становится слишком сухо и пыльно, – неожиданно произнес Треверс. – Бену, должно быть, стоило большого труда уговорить вас покинуть зеленые холмы Северной Каролины и проделать весь этот путь.

Его любопытство относительно места, уготованного Лорен Холбрук в семье Локетт, еще не было удовлетворено.

Лорен рассмеялась:

– Он подкупил меня рассказами о Техасе. И я ничуть не разочарована. Здесь замечательно.

– Сколько времени вы здесь пробудете? – не смог удержаться от нового вопроса Треверс.

Она быстро отвернулась и сжала руки в кулаки.

– Я... я точно не знаю. – Лорен удалось справиться с внезапным волнением. – Все будет зависеть от миссис Локетт. Видите ли, я должна стать ее секретарем.

Эд Треверс чуть не свалился с сиденья. Оливии Локетт понадобился секретарь? Что еще затевает старина Бен?

Прежде чем задать новый вопрос, он проглотил образовавшийся в горле комок, поэтому голос его приобрел какие-то скрежещущие нотки:

– И что же вам придется для нее делать?

– Я многие годы помогала моим опекунам устраивать приемы. Бен подумал, что я могла бы избавить миссис Локетт от некоторых ее обязанностей. Ну, например, я могла бы взять на себя ее корреспонденцию. Длительность моего пребывания будет зависеть от того, как мы с ней поладим и понравлюсь ли я ей вообще, – ответила Лорен.

Рассказывая Треверсу о своих планах на будущее, Лорен и сама пыталась представить, как все это будет.

Бедная девочка, думал Треверс. Если все зависит только от симпатий Оливии Локетт к молодым и хорошеньким девушкам, то эта невинная мисс Холбрук отправится куда глаза глядят со следующим поездом из Остина. Оливия могла бы насмерть заморозить любого мужчину одним только жестким, холодным взглядом зеленых креольских глаз. Что уж говорить об этом бедном создании?

Интуитивно Лорен угадала нерешительность и смущение Треверса. Когда Бен предлагал ей это место, она ощутила такое же замешательство. Его предложение было настолько неожиданным, что она оказалась совсем неподготовленной к этому.

Они пообедали пережаренным барашком и вялыми овощами, впрочем, вполне обычными для кухни Пратеров. Лорен всегда чувствовала неудобство за качество блюд, которые предлагала Сибил Пратер своим гостям. Она была благодарна Бену Локетту за то, что он съел свою порцию, хотя очень непринужденно отказался от второй.

После обеда Лорен играла для гостей на фортепиано, подчиняясь настоятельным просьбам своих опекунов. Ее сольный концерт был принят, как всегда, хорошо, но неумеренные хвалы Пратеров смущали Лорен.

Сибил, чье пухлое тело утопало в розовых оборках, сидела рядом с мужем на обитом кричаще-яркой тканью диване. К сожалению, дурной вкус Сибил, ярко проявляющийся в ее туалетах, распространялся и на убранство дома. Ее девиз в жизни был: «Чем больше, тем лучше». Комнаты казались темными и мрачными от обилия парчи и бархата. Это ощущение усиливали канделябры и вазы из темного стекла.

Жена пастора жеманно улыбнулась, когда Абель стал расхваливать ее розы, получившие приз на выставке цветов. К их немалому удивлению, к облегчению Лорен и к огорчению Уильяма Келлера, Бен попросил Лорен показать ему сад, в котором росли столь знаменитые розы.

Вечер был теплым и тихим, цикады пели им серенады. Лорен повела Бена в небольшой розарий и усадила на низкую скамью.

– А вы у себя в Техасе выращиваете розы, мистер Локетт?

– Разумеется, выращиваем. У меня в Коронадо есть садовник-мексиканец, который выращивает гораздо более крупные и ароматные розы, чем эти призовые цветы Сибил. Думаю, секрет кроется в лошадином навозе.

Наступила пауза. Лорен не знала, как она должна реагировать на его слова. Потом оба одновременно рассмеялись. Мысленно Лорен отругала себя за то, что потекает его нескромности, но почему-то в тот момент, как ей казалось, это не имело значения.

– Спасибо за то, что вытащили меня в сад, – сказала она. – Обычно Абель и Сибил ухитряются сделать так, чтобы я осталась наедине с Уильямом.

– А вы не хотите оставаться с ним наедине?

Лорен передернула плечами:

– Нет, не хочу.

Уильям Келлер был серьезным тридцатипятилетним проповедником, служившим в маленькой церкви на окраине Клейтона. Лорен чувствовала, что под личиной набожности Уильяма скрываются честолюбие и хитрость. Он постоянно пытался произвести выгодное впечатление, демонстрируя свою негибкую нравственность и неувыдаемую любовь к человечеству.

К ужасу Лорен, Пратеры считали Уильяма прекрасным кандидатом в мужья. Не менее трех раз на дню они говорили ей о достоинствах Уильяма, и она была вынуждена принимать эти дозы похвал в его адрес, как иногда приходится принимать по часам горькое лекарство.

Лорен имела весьма смутное представление о том, какие обязанности накладывает на женщину вступление в брак и к какому рода отношениям приводит супружеская жизнь, но одна только мысль, что в случае замужества она будет вынуждена жить с Уильямом в одной комнате, приводила ее в ужас, и она предпочла бы остаться в старых девах, чем провести всю жизнь с Уильямом Келлером. Обычно Лорен относилась к людям снисходительно, но Уильяма она находила непривлекательным внешне, скучным в общении, считала его фанатиком и мракобесом. Все в нем раздражало ее. И его манера при разговоре обращаться к груди собеседника, а не смотреть ему в глаза. И его высокая, сутулая фигура, тонкие, прямые светлые волосы, постоянно падающие ему на глаза, почти бесцветные, обрамленные такими же бесцветными ресницами. Самой выдающейся, но отнюдь не украшавшей своего владельца деталью его лица был нос. Лорен часто приходило в голову, что он весьма смахи-

вал на описание Икебода Крейна, главного героя повести Вашингтона Ирвинга «Легенда о сонной лошине».

Бен Локетт снова постарался привлечь ее внимание легким покашливанием. Он не хотел продолжать обсуждение персоны Уильяма и, чтобы переменить тему, спросил ее:

– Чем вы занимаетесь, мисс Холбрук?

Лорен посмотрела на него с удивлением. И он пояснил свой вопрос:

– Чем вы занимаетесь здесь? И что вас здесь держит? Вы счастливы?

Она ответила ему откровенно:

– Пратеры – милые люди, и с их стороны было очень благородно взять меня в свой дом после смерти моего отца. Родственников у меня нет. У отца была небольшая рента, которую они отказались принять в возмещение расходов на мое содержание. Я рассчитывала, что в будущем смогу давать уроки музыки или грамматики и зарабатывать на жизнь самостоятельно, но Пратеры категорически отвергли мою идею работать вне дома.

– Так вы занимаете их гостей? И только?

Он мягко улыбнулся Лорен, и она не обиделась на его слова.

– Не очень-то перспективное занятие, да? – сказала она печально. – Но, кроме этого, я занимаюсь благотворительностью, помогаю больным и немощным, ухаживаю за детьми, если в семье некому о них позаботиться. Еще я играю на органе во время воскресной службы и преподаю в воскресной школе. – Даже для ее собственных ушей все эти достижения звучали убого.

– Вы никогда не думали о том, чтобы завести собственную семью, выйти замуж?

Он гипнотизировал ее острым взглядом своих синих глаз.

– Я... собственно говоря, нет, – сказала Лорен, смущенно улыбаясь и отводя глаза.

– Когда мне нужно принять какое-нибудь решение и навести порядок в своей жизни, я несколько дней езжу верхом, загоняя отставших животных. Мне нравится одиночество, когда я общаюсь только со своим конем и матерью-природой.

– Загоняете отставших животных? – спросила Лорен с внезапно пробудившимся интересом.

– Да, мы скачем вдоль загонов, проверяя, весь ли скот на месте, нет ли падежа. Есть много желающих украсть коров Локетта, а иногда какой-нибудь смельчак пытается напоить свое стадо, не платя за это. Земли Локетта очень привлекают таких людей.

Лорен глубоко вздохнула:

– О, это звучит... прекрасно. В этом есть что-то необычное, первобытное и волнующее. Я даже не знаю, как определить свои ощущения.

– Да вы уже определили, – сказал Бен, разглядывая свои сильные руки, потом спросил: – Почему бы вам не поехать со мной в Техас?

Сейчас он говорил совершенно серьезно, не так, как днем в гостинной, когда предложил ей самой убедиться в правдивости книжных обложек.

– Вы меня дразните, мистер Локетт, – сказала Лорен с полувопросительной интонацией.

– Совсем нет, мисс Холбрук. Просто, как старый ковбой, я не люблю попусту тратить время и сразу хватаю быка за рога.

– Но что же, ради всего святого, мне делать в Техасе?

Лорен понимала, что не сможет позволить себе такое приключение, но ей не хотелось расставаться с этой идеей.

– Моя жена принимает активное участие в общественной жизни Коронадо. Это город, где мы живем. Примерно полдня езды до Остина. Я так часто уезжаю в «Кипойнт» или куда-нибудь по делам, что она не всегда может рассчитывать на меня. Полагаю, что ваши таланты могли бы ей очень помочь. У вас огромный опыт по части организации всяких светских

мероприятий. Вы очень музыкальны, прекрасно играете на фортепиано, начитанны – и то и другое немаловажно. Кроме того, вы могли бы взять на себя ее переписку, выполнять всякие мелкие поручения. Как вы на это смотрите?

Лорен не ответила, и Бен продолжал излагать свою идею со все усиливающимся напором:

– Конечно, мы будем платить вам жалованье и предоставим отдельную комнату. Мой сын еще не женат, и в доме полно свободных комнат, которые, как мы надеемся, когда-нибудь будут заняты внуками.

Бен надолго замолчал. Лорен взглянула на него и увидела, что он не сводит взгляда с розовых кустов, но явно не видит их.

Почувствовав ее взгляд, он встряхнул головой, как бы отгоняя посторонние мысли, и продолжал:

– Я сделаю все, чтобы вы почувствовали себя членом семьи. Поверьте, вы никоим образом не окажетесь в положении прислуги.

Он подкупающе улыбнулся.

– Но почему вы так уверенно приглашаете меня? Я думаю, что, если миссис Локетт нужен секретарь, она уже нашла его.

Он небрежно пожал плечами, отметая ее предположение:

– Конечно, она могла бы это сделать, но думаю, что такая мысль просто не пришла ей в голову. У меня свои причины на то, чтобы пригласить вас, и уверяю вас, они безупречны.

Он улыбнулся, глядя на нее сверху вниз, и в синих его глазах под кустистыми седыми бровями вспыхнули веселые искорки.

– Мистер Локетт, я ценю ваше расположение и благодарю за приглашение, – сказала Лорен серьезно, – но мое место здесь. Мой отец не одобрил бы моего отъезда.

– Ваш отец умер, а вы живы, но если вы отсюда не выберетесь, то навсегда погубите свою жизнь.

Лорен испугалась, когда он резко поднялся с места, едва сдерживая гнев, сделал несколько шагов в сторону и повернулся к ней спиной. Постояв так некоторое время, Бен вернулся и сел рядом с ней на скамью. В глазах его была нежность, а голос звучал мягко, когда он заговорил.

– Лорен! – Она заметила, что он впервые назвал ее по имени. – Я знаю, вас учили покоряться, не задавая вопросов. У вас сильно развито чувство долга, и это достойно восхищения. Но мне кажется, я подметил в вас беспокойство, жажду жизни и потребность освободиться от привязи. Вы могли бы просто приехать погостить, и, если ничего не получится, если вам не понравится Техас или дом Локеттов, я позабочусь, чтобы вас должным образом отправили обратно. И ничьи чувства не будут задеты.

Конечно, она сделала глупость, не приняв сразу его приглашение. Вместо этого она опустила голову и тихо сказала:

– Мистер Локетт, я ошеломлена вашим предложением и была бы рада принять его, но я никуда не могу уехать. Видите ли, мне с детства привили чувство долга и ответственности. Возможно, я до конца жизни проживу с Пратерами. Я им нужна. Они на меня полагаются. Если я уеду, для них это будет страшным ударом.

– А что будет с вами, когда они умрут? Если вас не продадут Уильяму или кому-нибудь вроде него, как вы будете жить?

– Я уверена, что меня как-то обеспечат.

Он тяжело вздохнул. Лорен не могла видеть его таким подавленным и чуть было не передумала. Казалось, он утратил всю свою энергию. Его лицо опустилось, выдавая немалый возраст, в глубоких синих глазах застыл молчаливый призыв.

– Если что-то изменится и вы будете готовы принять другое решение, немедленно телеграфируйте мне. Я говорю это вполне серьезно. Мое приглашение остается в силе.

– Благодарю вас, мистер Локетт, – ответила Лорен. Она нуждалась в его понимании и потому добавила: – Я не хочу быть похожей на них. – И тут же пришла в ужас от своих слов. – Нет, я не то хотела сказать.

– Я знаю, что вы хотели сказать, мисс Холбрук. Вы добрый человек и не могли вложить в свои слова ничего дурного, но вам тесно у Пратеров, вам хочется другой жизни, верно?

– Да, вы правильно меня поняли.

– Помните, если вы когда-нибудь передумаете... – вновь повторил Бен, когда они уже направились обратно к дому.

* * *

Солнце неумолимо палило. Лорен чувствовала себя измученной. Мускулы ее спины и плеч болели оттого, что она все время старалась сидеть прямо на неудобном кожаном сиденье. Ее мучила жажда, хотя она постоянно пила воду из фляжки, одежда пропылилась насквозь, лицо тоже было пропитано пылью. Лорен уже потеряла надежду добраться до места назначения, когда Эд Треверс кивком головы указал куда-то вперед и сказал:

– Коронадо.

Повозка взобралась на вершину холма, и перед Лорен открылась панорама маленького городка, где жил Бен, когда не уезжал на свое ранчо. Лошади побежали быстрее, спускаясь вниз с холма, и Лорен возбужденно спросила:

– Сколько людей здесь живет?

– Гм, примерно тысячи три, – ответил Треверс.

– А на каком расстоянии мы от ранчо? От «Кипойнта»?

– Примерно в трех часах езды, если двигаться на запад.

Лорен скрыла свое разочарование, с интересом смотря по сторонам, когда они проезжали по главной улице Коронадо. Она догадалась, что люди узнавали коня, привязанного сзади к повозке. Прикрываясь ладошками, чтобы приглушить свои слова, жители Коронадо обменивались впечатлениями и догадками. Лорен решительно игнорировала человека, лежащего в повозке за ее спиной, а также и те комментарии, которые ей удавалось услышать.

Теперь ее единственной целью было увидеть Бена и познакомиться с миссис Локетт. Пытаясь проанализировать свои чувства к человеку, который за столь короткое время приобрел огромное влияние на ее жизнь, Лорен пришла к заключению, что она ищет в нем то, что не успел дать ей рано умерший отец. По правде говоря, она и не могла рассчитывать на это. Бен был совсем не похож на Джеральда Холбрука. Один был веселым, другой – суровым и замкнутым, крепкая, крупная фигура Бена коренным образом отличалась от хрупкого сложения ее отца, техасец покорял сердечностью, в то время как Джеральд Холбрук был сдержанным даже с собственной дочерью. Низкий, глубокий голос Бена и его прекрасно развитое чувство юмора привлекали к нему Лорен, и она задыхалась от возбуждения при мысли, что скоро увидит его.

Треверс повернул лошадей на широкую тенистую улицу, тянущуюся от центра города к югу. Сквозь деревья Лорен разглядела большой дом еще до того, как мистер Треверс направил лошадей в узкую улочку, перпендикулярную первой.

Кто бы ни спроектировал этот дом, он мог гордиться своим произведением. Построенный в викторианском стиле, дом не был перегружен архитектурными излишествами. Изящная, но прочная ограда опоясывала террасу с трех сторон. По углам фронтона располагались круглые башенки, увенчанные куполами в виде луковиц. Высокие окна, по три с каждой стороны от входа, украшали ставни кирпично-красного цвета, красиво контрастирующие с

кремовым цветом дома. По бокам парадной двери такого же цвета, что и ставни, помещалось по вазе с цветущей пышным цветом красной геранью. Несмотря на начало осени, роскошные клумбы, расположенные вдоль террасы, радовали взор обилием цветов – цинний, петуний и роз. Трава на обнесенной изгородью лужайке перед домом была все еще зеленой и подстрижена выше всяких похвал.

– О, как красиво! – благоговейно прошептала Лорен, не сводя глаз с дома. Несколько мгновений она сидела, наслаждаясь сознанием того, что наконец-то оказалась у цели – возле дома Бена.

Треверс с трудом вылез из повозки – все его тело ныло – и занялся разгрузкой. Он вытащил дорожные сумки Лорен и поставил их у края дорожки, которая вела к крыльцу. Потом снова вернулся к повозке и, не слишком церемонясь, начал расталкивать Джереда Локетта:

– Ну-ну, Джеред, просыпайся, ты дома.

Лорен не прислушивалась к недовольному ворчанию, доносившемуся из-под черной шляпы. Из состояния радостного ожидания ее вывел только Эд Треверс, обогнувший повозку, чтобы предложить ей свою помощь. Она поправила свою шляпку, насколько это было возможно без зеркала, стряхнула очередную порцию пыли со своей синей юбки и уже собралась надеть жакет, когда дрожание повозки дало ей понять, что Джеред Локетт пытается покинуть транспортное средство.

Лорен оглянулась. Он стоял, привалившись к повозке, и изо всех сил старался поднять голову, падающую ему на грудь.

Запустив пятерню в волосы, Джеред пытался зачесать их назад, но непокорные пряди снова опускались на лоб и закрывали ему глаза. Наконец он оставил в покое волосы и, уперев руки в колени, почти сложился пополам. По телу его прошла судорога, и Лорен в ужасе ждала, что сейчас его скрутит приступ ужасной рвоты, но этого не произошло. Джеред медленно распрямился, повернулся и только тогда увидел молодую женщину, которая как зачарованная не сводила с него глаз.

Его лицо находилось в тени, и Лорен не сумела хорошо его рассмотреть. Она подумала, что глаза у него скорее всего темные, но точно сказать не могла, поскольку Джеред все время щурился, пытаясь сфокусировать взгляд.

Пытаясь изобразить ироничную улыбку, он слегка приподнял уголок чувственного рта, затем расправил плечи и сделал три неверных шага вперед. Теперь он находился от нее на расстоянии вытянутой руки. Лорен была настолько потрясена всем происходящим, что даже не попыталась отойти в сторону.

Джеред приложил руку к левой стороне груди и произнес, с трудом выговаривая слова:

– Ваш покорный слуга, мисс... Хо... Хо... Холбрук.

Его длинное тело снова сложилось пополам, что, видимо, должно было изображать учтивый поклон. На большее он уже не был способен. Сила инерции потащила его вперед, и, к ужасу Лорен, он стал падать на нее. Чтобы удержать равновесие, Джеред обхватил ее талию обеими руками, при этом его голова бессильно упала ей на грудь. Она судорожно вздохнула и покраснела от унижения, в то время как он, казалось, нашел тихую пристань и успокоился. Его голова удобно устроилась у нее на груди, и Джеред удовлетворенно вздохнул, еще теснее сжимая кольцо своих рук вокруг ее тонкой талии.

Сквозь легкую ткань блузки Лорен чувствовала теплоту его дыхания. В тот момент, когда его нос уперся в ложбинку между ее грудей, Лорен показалось, что она упадет в обморок. Но в то же время она ощутила мгновенное, но сильное желание прижать его голову к своей груди.

Внезапно появившийся мистер Треверс сердито схватил Джереда за плечи и оттянул его от Лорен.

– Локетт! Бог мой, да ты животное!

Джеред не обратил никакого внимания на его слова. Он снова привалился к повозке все с той же глупой ухмылкой на лице.

Из-за дома выбежал мексиканец и бросился на помощь Джереду, а из открывшейся парадной двери на террасу вышла женщина.

У Лорен кружилась голова. Все происходило слишком быстро, чтобы она могла осознать это. Ей хотелось увидеть Бена, опереться на него, ощутить его надежность и поддержку, чтобы хоть частично восстановить душевное равновесие. Она поспешно натянула жакет и повернулась лицом к женщине, которая стояла на террасе и смотрела сверху вниз.

Лорен робко улыбнулась и пошла по дорожке к крыльцу террасы. У нижней ступеньки она приостановилась и, подняв голову, взглянула на женщину. Инстинкт говорил ей, что дальше идти не следует.

Женщина на верхней ступеньке напоминала ей часового, охраняющего вход в запретную зону.

– Миссис Локетт, я привез...

– Благодарю вас, мистер Треверс, – резко перебила его Оливия Локетт. – Вы сможете найти себе ночлег? Конечно, мы компенсируем вам потраченное время и труд.

Эду Треверсу давали понять, что его присутствие нежелательно, и он это понял. Начальник станции молча кивнул, выражая согласие, но продолжал стоять возле Лорен.

– Вы мисс Холбрук, – коротко констатировала Оливия.

Лорен тоже ограничилась кратким ответом:

– Да, Лорен Холбрук.

На первый взгляд миссис Локетт была немного выше Лорен. У нее были темные волосы, в которых поблескивало несколько серебряных прядей, и это придавало ей какую-то особую привлекательность. Она держалась настолько прямо, что ее стройная фигура казалась застывшей и жесткой. Военственная осанка делала ее еще выше, чем она была на самом деле. Цвет ее глаз на гладком лице с оливковой кожей невозможно было рассмотреть из-за падавшей на него тени, но Лорен физически ощутила холод неподвижного, пронизывающего взгляда.

Миссис Локетт была одета в зеленое платье из какой-то негнушейся ткани, вполне соответствующей ее характеру. На нем не было ни единой морщинки, ни одной приставшей ниточки, ни пятнышка – внешний облик этой женщины был безупречен.

Лорен чувствовала себя неудобно, представляя, как она выглядит в своей пыльной юбке и с растрепавшейся прической, хотя лицо женщины не выражало ни одобрения, ни порицания.

– Я Оливия Локетт. Надеюсь, ваше путешествие прошло без приключений. – Она не дождалась ответа и продолжала так же отрывисто: – Думаю, что вы зря приехали сюда. Не знаю, что имел в виду мой муж, когда приглашал вас.

Лорен оцепенела от грубости и резкого тона Оливии Локетт. Где же Бен? Ясно, что миссис Локетт ожидала ее. Так в чем причина этой внезапной враждебности? Запинаясь, Лорен пробормотала:

– Я... я уверена, что, если мы все вместе сядем и поговорим, Бен объяснит...

– С Джередом все в порядке, Пеппе? – нетерпеливо перебила ее Оливия.

– Си, сеньора Локетт, – быстро ответил мексиканец, поддерживая молодого человека, опиравшегося на него всей тяжестью своего тела и, по-видимому, опять впавшего в бессознательное состояние.

– Видимо, он напился вчера вечером, – сказала Оливия.

Лорен заметила, что на ее губах промелькнула улыбка, но она была настолько мимолетной, что девушка отнесла ее на счет своего разыгравшегося воображения. Действительно, неужели найдется мать, которой приятно видеть сына в подобном состоянии?

Продолжая игнорировать Лорен, Оливия снова обратилась к Пепе:

– Уведи Джереда в конюшню и приведи его там в чувство. – Затем, не глядя на Лорен, добавила: – Мисс Холбрук, я пришлю кого-нибудь взять ваши вещи.

Лорен поняла, что другого приглашения в дом не последует. Где же Бен, в «Кипойнте»? Почему он бросил ее?

Приподняв край юбки, чтобы не споткнуться, Лорен поднялась по ступенькам с Оливией. Женщина холодно смотрела на нее, и сердце в груди Лорен сжалось в предчувствии несчастья. Однако она нашла в себе мужество сказать:

– Я уверена, что если бы вы вызвали мистера Локетта...

– Это невозможно, мисс Холбрук. Мой муж умер сегодня рано утром.

3

Лорен окаменела. Может быть, Оливия Локетт сошла с ума? Она безжалостно смотрела на Лорен, и ее аристократическое лицо не выражало никаких чувств.

– Это невозможно, – еле слышно выдохнула Лорен.

– Боюсь, это правда, мисс Холбрук. В последнее время он неважно себя чувствовал. Вернувшись из Нью-Йорка, он сказал мне, что проконсультировался там с кардиологом.

Она умолкла и, повернув голову, проследила взглядом за Пепе и Джередом, заворачивающими за угол дома.

– Прошлой ночью у Бена с Джередом вышел спор. Джеред уехал, а у Бена случился сердечный приступ. Сегодня утром он умер.

Глаза Лорен наполнились слезами.

– Мне очень жаль, – сказала она.

Что же ей теперь делать?

– Я ничего не знала о его болезни. Вы должны мне поверить, миссис Локетт.

Оливия внимательно посмотрела на Лорен и сказала тем же резким тоном, каким говорила с Пепе:

– Мы можем обсудить это в другой раз. А сейчас располагайтесь в своей комнате и устройтесь там поудобнее. Вам будет прислуживать Елена. Я должна попросить вас в следующие несколько дней проводить там как можно больше времени. Иначе мне будет нелегко объяснить ваше присутствие здесь в такое тяжелое время. Вы понимаете?

Лорен молча кивнула и нашла взглядом Эда Треверса, который все еще стоял у железной ограды, прижимая к груди шляпу. Его приоткрытый рот и округлившиеся глаза ясно говорили о том, как он потрясен известием о смерти Бена Локетта.

– Благодарю вас за помощь, мистер Треверс. Вы были очень добры! – крикнула ему Лорен.

– Всегда к вашим услугам, мисс Холбрук. Если я могу что-нибудь для вас сделать, вы должны только попросить.

Говоря это, Треверс выразительно поднял руки.

– Благодарю вас, – повторила Лорен.

– Миссис Локетт, с вашего разрешения, я скажу людям о кончине Бе... мистера Локетта.

– Похороны послезавтра в два часа. Ваша помощь всегда неоценима, мистер Треверс. Как и ваша скромность.

Эд Треверс кивнул, надел шляпу и вернулся к повозке.

Лорен последовала за Оливией в дом.

Впечатление, полученное ею от первого краткого знакомства с домом Бена, было самым восторженным. Широкий коридор на первом этаже с комнатами по обе его стороны тянулся через весь дом. Лестница, расположенная прямо напротив парадной двери, вела на верхнюю площадку, от которой коридоры расходились в трех направлениях.

Лорен и Оливия поднялись по лестнице, повернули направо и прошли через длинный, хорошо освещенный холл, двери из которого, вероятно, вели в спальни. Спальни располагались по обе стороны холла. Оливия подошла к последней двери, выкрашенной, как и остальные, в белый цвет. Вслед за Оливией Лорен вошла в комнату, где ей предстояло провести несколько дней в изоляции, и огляделась.

«Ну, если мне предстоит заключение, – подумала она, – то у меня будет очень даже неплохая камера». Маленькая комнатка была расположена в одной из двух круглых башенок, которые она видела, разглядывая дом снаружи. Она была красиво меблирована. На дубо-

вом полу разбросаны коврики. Широкая кровать с пологом на четырех столбах застлана серо-бежевым кружевным покрывалом. Стены были оклеены изысканными бледно-желтыми обоями в цветочек. В комнате стояли туалетный столик с умывальником, книжный шкаф, кресло-качалка, круглый стол со стулом и еще один столик у изголовья кровати. В вазах благоухали свежие цветы, и, хотя шторы на окнах были задернуты, Лорен поняла, что комната будет казаться еще более веселой, когда ее затопит утреннее солнце. Кто-то готовился к ее приезду и хотел, чтобы ей здесь понравилось.

– Очень красиво, миссис Локетт. Благодарю вас.

– Значит, вы не против провести здесь несколько дней, пока не пройдут похороны.

Лорен хотелось бы присутствовать на похоронах, но что-то в поведении этой женщины подсказывало ей, что та готова приложить все силы, но не допустить появления Лорен на похоронах.

– Ванная там. – Миссис Локетт указала на дверь. – За ней есть еще одна дверь, но она всегда остается запертой. Вы можете не опасаться, что вас побеспокоят.

«Или что я побеспокою кого-нибудь», – подумала Лорен.

– Скоро придет Елена с вашим ужином. Если вам что-нибудь понадобится, она к вашим услугам и отвечает за то, чтобы вы ни в чем не нуждались.

Оливия уже собиралась покинуть комнату, но Лорен задержала ее:

– Миссис Локетт, я сожалею о вашем муже. Он был...

– Да, – перебила ее Оливия, – доброй ночи, мисс Холбрук.

Лорен села в кресло-качалку, пытаясь осмыслить все, что обрушилось на нее за этот день.

Бен Локетт умер? В это невозможно поверить. Она так явственно представляла его доброе лицо, слышала его голос, уговаривавший ее приехать сюда. Теперь он мертв, а ее будущее в лучшем случае неопределенно.

Только сейчас она почувствовала, как устала. Длинные дни и мучительные ночи в поезде, когда тело сводило судорогой от неудобного положения, утомительный путь из Остина, этот ужасный человек, распростертый на дне повозки в пьяном забытьи, в то время как его отец умирал от сердечного приступа, и, наконец, встреча с Оливией. Это было уже слишком. Лорен положила голову на маленькую подушечку, прикрепленную к спинке кресла, и погрузилась в глубокий сон.

Она проснулась от звука незнакомого, что-то упрямо повторяющего голоса. Чьи-то руки трясли ее за плечи. «Уходите, – подумала она. – Я не хочу просыпаться. Случилось что-то ужасное. Я не хочу об этом вспоминать».

Но ласковые руки продолжали легонько встряхивать ее. Лорен открыла глаза и встретила взгляд самых черных глаз, какие только могла себе представить. Блестящие черные глаза располагались на темном, гладком и очень красивом лице, улыбающемся ей тепло и нежно. Негромкий голос звучал утешительно и успокаивающе:

– Бедная сеньорита так устала, что заснула на стуле, даже не сняв шляпку! И без ужина! Без ванны! Елена вам поможет, си!

– Елена? Я Лорен. Здравствуйте.

Лорен ухватилась за дружелюбие девушки как утопающий за соломинку.

– Вы такая красивая, сеньорита. Думаю, после ванны вы будете еще красивее и чувствовать себя будете лучше. Я принесу воды. Вы разденетесь, си?

Елена поднялась со стула, и Лорен обратила внимание на ее выпирающий живот, похоже, она была беременна. Пыталась ли Оливия скрыть Елену, приставив ее к Лорен? Вне всякого сомнения, в теперешнем положении она не могла прислуживать гостям, которые должны были съехаться на похороны.

Елене не могло быть больше шестнадцати или семнадцати лет, и, казалось, ее совсем не трогают приближающиеся роды. Ее груди с темными сосками, просвечивающими сквозь тонкую ткань белой вышитой блузы, были почти так же велики, как живот, и свисали ничем не поддерживаемые.

Переваливаясь с боку на бок, она направилась в ванную, продолжая оживленно болтать на смеси английского и испанского языков. Она перескакивала с темы на тему с такой же легкостью, как с одного языка на другой. Вернувшись в комнату и увидев, что Лорен не сдвинулась с места, она попеняла ей:

– Сеньорита, ваша вода остынет, не говоря уж об ужине. Идемте, Елена вам поможет.

Лорен смутилась, когда Елена начала расстегивать пуговицы на ее блузке, но она так улыбалась, что не стала возражать и позволила Елене раздеть себя.

Когда на Лорен остались только панталончики, корсет и лифчик, Елена покачала головой и поцокала языком:

– Корсет! Вы такая стройная. Да в нем и дышать-то нельзя.

Елена распустила шнуровку, и скоро этот угнетающий предмет туалета оказался лежащим в куче грязной одежды у ног Лорен.

Лорен остановила Елену, когда та попыталась освободить ее от остального нижнего белья, и поспешила в ванную, которая была отделана с таким же вкусом, как и комната. Она с удовольствием посмотрела на ванну, наполненную горячей ароматной водой, и, погрузившись в нее, позволила своему усталому, избитому дорожной тряской телу расслабиться. Закончив мыться, Лорен лежала, наслаждаясь ощущением чистоты и неги, впервые за много дней, когда в ванную ворвалась Елена. У Лорен на мгновение перехватило дыхание, потому что с детства ни одна живая душа не видела ее обнаженной.

– Сеньорита готова, чтобы я могла вымыть ей волосы, си?

– Нет! – вскрикнула Лорен, пытаясь прикрыться. Заметив по выражению лица Елены, что та удивлена и обижена, она торопливо добавила: – Я делаю это сама.

– Но зачем вам это делать? Ведь я здесь. – В голосе Елены звучала непоколебимая уверенность в своей правоте. – Сеньор Локетт сказал, чтобы я позаботилась о молодой леди, и вот я это делаю.

Упомянув имя Бена, она осенила крестным знаменем свои огромные груди.

Елена начала вынимать шпильки из волос Лорен, которые и без того уже были готовы рассыпаться, закрыв ее спину до талии. Мексиканка продолжала болтать, поливая голову Лорен теплой водой из кувшина. Она намыливала густые пряди, массируя кожу, и Лорен неожиданно почувствовала, как под ловкими, опытными руками Елены нервное напряжение начало спадать.

– Сеньор Локетт так ждал вашего приезда. Он всем рассказывал о красивой леди, которая приедет и поселится с нами. Приказал приготовить комнату, сам проверил, чтобы убедиться, что все в порядке.

Прежде чем Лорен успела возразить, Елена вытащила ее из ванны.

Попытки девушки прикрыть свое тело оказались безрезультатными, но Елена, казалось, не замечала ее замешательства. Ярко-розовый цвет кожи Лорен только отчасти объяснялся купанием в горячей воде.

Лорен решила сменить тему и отвлечь девушку от собственной персоны и Бена. Сейчас она не могла думать о нем. Эти мысли она оставит на потом, когда останется одна. Она дружески спросила:

– Когда вам рожать?

– Кто знает? – Елена пожала плечами. – Когда она будет готова, она придет. – Девушка улыбнулась.

– А чем занимается ваш муж?

– О, он один прекрасный вакеро – пастух на ранчо Локетта. Его имя Карлос. Он красивый мужчина.

Елена перевела свои выразительные глаза на Лорен, и та покраснела. Ей вовсе не хотелось, чтобы молодая женщина углублялась в детали своей семейной жизни.

– Не слишком ли много вы работаете? Я хочу сказать, что уже поздно. Когда же вы освобождаетесь, чтобы пойти домой?

Елена залилась смехом:

– Сеньорита, я живу здесь. Карлос оставайся на ранчо, а я оставайся здесь. Мы вместе, когда мы можем, в доме его мама в Пуэбло.

Лорен удивилась:

– Но вы, конечно, хотели бы иметь собственный дом и жить вместе?

– Си, но мы тоже любим кушать. Без денег мы ничего не можем. – Она хихикнула.

– Понимаю, – пробормотала Лорен, хотя вовсе ничего не понимала. Пока что она слишком мало знала о жизни этой чужой страны и ее людей.

Они вернулись в комнату. Елена достала ночную рубашку из дорожного саквояжа Лорен и помогла ей одеться. Лорен стояла посреди комнаты, чувствуя себя одинокой и потерянной. Елена занялась ужином, расставляя блюда на большом подносе. По-видимому, она принесла все это и составила на большой стол, пока Лорен спала. Комнату наполнили вкусные ароматы, когда Елена начала поднимать крышки с блюд, и у Лорен потекли слюнки. Она не ела с... Как давно она не ела?

Елена поставила поднос на колени Лорен. На нем оказались бифштекс, зажаренный на решетке, картофель, салат, горшочек с бобами, политыми томатным соусом. Хлеб был двух сортов – пшеничный рогалик и плоская круглая лепешка. Такой хлеб Лорен видела впервые.

– Что это? – спросила Лорен, указывая на лепешку.

– Тортилья. Кукурузный хлеб, – объяснила Елена.

Лорен отломил маленький кусочек. Лепешка показалась ей совершенно безвкусной. Елена положила на нее кусок масла, слегка посолила и свернула в трубочку. Вкус оказался восхитительным.

– Тортилья? – повторила Лорен, и Елена закивала и захлопала в ладоши.

Лорен показала на горшочек с бобами.

– Фасоль, – сказала Елена, – с приправой.

Отбросив нерешительность, Лорен храбро положила в рот полную ложку. И тотчас же поняла, что совершила серьезную ошибку. Во рту у нее запылал огонь! Она быстро проглотила обжигающую массу, чтобы не выплюнуть ее, напуганная одной только мыслью о столь недостойном леди поступке. Елена так хохотала, что ее груди и живот подпрыгивали.

– Воды, – прокаркала Лорен. Она мгновенно осушила поданный ей Еленой стакан и попросила еще. Наконец жжение прекратилось, но Лорен решила соблюдать осторожность и попробовала другие блюда, откусывая крошечные кусочки, прежде чем решиться взять в рот побольше. Остальная еда была изумительна, и она съела все, кроме фасоли. Не слушая возражений Лорен, Елена заплела ее волосы в одну длинную косу. Потом сняла покрывало с постели.

– Теперь ложитесь, сеньорита, и отдохните. День был трудный, си?

– Да, трудный.

Лорен забралась в постель, глядя, как Елена собирает посуду на поднос и прикручивает газовые рожки.

– Буэнос ночес, сеньорита, – прошептала она, выходя из комнаты.

– Доброй ночи, Елена.

Лорен уткнулась в подушку. В доме было тихо, хотя до нее долетали едва различимые приглушенные голоса с лестницы.

– Бен Локетт, как вы могли сыграть со мной такую шутку? – спросила она подушку и немедленно устыдилась своих слов.

После всех ужасных сцен, которые она вытерпела перед отъездом из Северной Каролины, сила, сочувствие и тепло Бена были ее единственным спасением. Она надеялась начать новую жизнь в его семье. Теперь все надежды умерли. Бена больше нет. Ей казалось, что этот огромный дом поглотил ее. И потом эта холодная женщина, властвовавшая в нем...

Вдова Бена не обнаруживала никаких признаков чувства. Может быть, Оливия относилась к тем людям, которые прячут свою скорбь от людских глаз и предаются горю в уединении? Может быть. Эта мысль почему-то тревожила.

А что почувствовал Джеред Локетт, когда узнал о смерти отца? Почему человек, имеющий состояние, положение в обществе, напивается до беспамятства и делает из себя посмешище? Эд Треверс намекнул, что такое состояние не является для Джереда чем-то из ряда вон выходящим.

«Ладно, это не моя забота», – подумала Лорен, решительно закрывая глаза. Она не будет иметь с ним никаких дел.

Лорен хотела бы забыть тот таинственный трепет, который испытала, когда его руки сомкнулись у нее за спиной, и тяжесть его головы на груди не была ей неприятна. У него светло-каштановые волосы. Отливали ли они золотом под лучами солнца, как, она уже знала, отливают волосы у него на груди?

После десяти часов сна Лорен неохотно проснулась. Комната была залита солнечным светом, проникавшим сквозь воздушные желтые шторы на окнах.

Лорен сбросила одеяло и бесшумно проскользнула в ванную. На душе было тяжело из-за смерти Бена и неопределенности будущего. Теперь ей нельзя было оставаться здесь. Но и в Северную Каролину она не могла вернуться.

Елена вошла, когда Лорен заканчивала одеваться.

– Буэнос диас, сеньорита, – весело приветствовала она Лорен.

– Доброе утро, Елена, – ответила Лорен, продолжая расчесывать свои густые черные волосы.

– Хорошо ли вы спали? – спросила Елена непринужденно, разглаживая покрывало на постели. Она занялась приведением в порядок безукоризненно чистой комнаты, потом полила цветы и поставила завтрак на тот же самый поднос, на который вчера подавала ужин.

– Да, очень хорошо.

Лорен смущенно отвела взгляд, вспомнив свои тревожные сны. Двое высоких мужчин наступали на нее. У одного из них было смеющееся лицо Бена и белые волосы. Лицо другого пряталось под широкими полями черной шляпы, но она узнала его фигуру. Она запечатлелась в ее памяти с неизгладимой четкостью.

После вчерашнего обильного ужина Лорен думала, что никогда больше не захочет есть. Но ломти свежей дыни были восхитительно сочными. Она выпила горячий кофе, хотя предпочла бы чай. Она робко спросила Елену, нельзя ли ей в дальнейшем пить по утрам чай.

– О си, си, моя мама, она повариха.

Заметив удивление Лорен, она рассмеялась:

– Она работала на Локеттов еще до моего рождения. Вы зовите ее Роза.

– Меня очень беспокоит, что вы носите наверх эти тяжелые подносы, но миссис Локетт ясно дала мне понять, что я должна оставаться в этой комнате или где-нибудь поблизости от нее до тех пор, пока идут приготовления к похоронам.

Лорен печально смотрела в открытое окно.

– А похороны будут завтра, как и предполагалось?

– Си, – ответила Елена тихо. – Приедет много людей издалека.

– Ладно, думаю, я найду себе какое-нибудь занятие, – вздохнула Лорен.

Она ухитрилась скоротать долгие часы за чтением и вышиванием, которое захватила с собой из Клейтона. Лорен была лишена даже общества Елены: девушка объяснила ей, что нужна матери на кухне.

День тянулся медленно. Лорен, привыкшей к деятельности и находившей себе занятие, даже когда у нее не было работы, он казался нестерпимо длинным.

В конце дня Лорен оторвалась от книги, услышав тяжелые шаги в коридоре. Кто-то вошел в одну из комнат в начале коридора, не дойдя до ее комнаты. Сняв очки, чтобы дать отдохнуть глазам, она прислушалась к звукам, доносившимся из комнаты: выдвигали и задвигали ящики, хлопали дверцами платяного шкафа, на пол с тяжелым, глухим стуком сбросили башмаки или сапоги, зашаркали ноги в носках или чулках.

Лорен услышала, как звякнуло стекло о стекло, плеск воды, несколько невнятно произнесенных слов, заскрежетала передвигаемая по деревянному полу мебель.

Несколькими минутами позже обитатель комнаты покинул ее. Дверь тихо закрылась, и Лорен услышала удаляющиеся шаги, затихшие где-то внизу, в холле. Кто-то поселился в комнате по другую сторону ванной. До этой минуты Лорен не слышала в соседней комнате ни одного звука.

Вечером Лорен занялась своим вышиванием, пока Елена убирала посуду после ужина и ставила ее на поднос, собираясь распрощаться на ночь.

– Елена, – спросила Лорен, – кто занимает комнату по другую сторону ванной?

– Ах! Это комната сеньора Джереда. – Глаза Елены выразительно расширились. – Мой Карлос запретил мне проходить мимо нее. – Она хихикнула, стараясь взять поднос поудобнее, ей мешал ее необъятный живот. – Он говорит, сеньор Джерред может увлечь любую женщину.

Закрывая дверь, она подмигнула Лорен.

Серые глаза Лорен остановились на капельке крови, появившейся, как яркая бусинка, на ее уколоте пальце. Но она не видела ее.

4

Солнце не захотело появиться на небе в день похорон Бена Локетта. Казалось, оно тоже оплакивает человека, проводившего столько часов под его жаркими лучами и боготворившего этот край.

Два дня Лорен наблюдала из своего окна, как самые разные люди приходили отдать последнюю дань уважения Бену. Одни из них были богатыми, о чем свидетельствовали их одежда и экипажи. Другие походили на фермеров или скотоводов, они были одеты в чистое, но явно не новое платье. Их жены семенили поодаль, с благоговением разглядывая красивый дом. Вакеро в пыльных кожаных штанах подъезжали к дому верхом на загнанных лошадях. Скорбящие люди приходили по одному, парами или группами, но их поток не иссякал. Лорен не могла представить, что женщина, встретившая ее с такой враждебностью, способна любезно принять самых скромных и смиренных из них.

Катафалк, стоявший на подъездной дорожке, тускло поблескивал черным лаком. Кисти, драпировки, украшенные бахромой, лошади в плюмажах и возница в плаще и высокой шляпе придавали ему вид циркового фургона. «Едва ли Бен выбрал бы такое вульгарное и вызывающее средство передвижения, чтобы отправиться в последний путь, к могиле», – подумала Лорен, испытывая горечь потери этого твердого и мужественного человека.

Из своего окна Лорен видела появившуюся на дорожке Оливию. Она опиралась на руку человека одного с ней роста. Его лысая голова была вровень с черной шляпкой и вуалью Оливии. Черный сюртук плотно облегал его крупную фигуру. Во всех его движениях чувствовалась скованность. Было трудно понять, ведет он себя так из уважения к ее горю или из страха вызвать ее гнев. Он дергался почти раболопно.

Когда Лорен заметила человека, шедшего позади этой пары, у нее перехватило дыхание. Она узнала его по высокому росту и широким плечам, хотя и не могла видеть его лица под широкополой черной шляпой. В его черном костюме не было ничего примечательного. Он не смотрел по сторонам и не замечал сочувственных взглядов друзей, смотревших на него с жалостью, пока он следовал за матерью и ее спутником к ожидавшему их крытому экипажу.

Гроб с соблюдением всех церемоний был водружен на катафалк. Лорен подумала, что Бен, вероятно, вволю позубоскалил бы над всей этой помпой и пышностью. Она не сомневалась, что откуда-то сверху он смотрит на них всех и его синие глаза озорно поблескивают. Она прочла молитву за упокой его души, пока катафалк и следовавшая за ним процессия удалялись от дома.

Когда мимо дома проезжал экипаж с семьей покойного, она заметила небрежно свисавшую из него сильную, худую, загорелую руку.

Приглашение последовало настолько неожиданно, что застало Лорен врасплох. Елена порывисто распахнула дверь и влетела в ее комнату так стремительно, что пестрые юбки вихрем закружились вокруг ее голых ног, а груди запрыгали, как фонарики на проволоке. Она с порога выпалила Лорен принесенное известие:

– Сеньора хочет вас видеть, сеньорита. Она сказала, быстро. Она с сеньором Уэллсом в кабинете сеньора Локетта.

Не снижая темпа, Елена помогла Лорен застегнуть блузку, которую та сняла, готовясь вздремнуть. Ее волосы были поспешно собраны в обычный узел. Елена встала на колени, чтобы застегнуть ей башмаки. Лорен полагала, что Елена просто не в состоянии принять такую позу, но у нее не было времени по-настоящему удивиться. Девушка часто дышала, сердце ее сильно билось, а ладони вспотели. За всю свою жизнь она ни разу так не волновалась.

Уже на выходе из комнаты Лорен успела схватить кружевной носовой платочек. Взяла она его, чтобы вытереть ладони, или ей просто было необходимо держать что-то в руках, она не смогла бы ответить. Елена быстро вела Лорен через холл к широкой лестнице и тоже казалась возбужденной.

Они спустились по лестнице и направились к широкой раздвижной двери. Елена ободряюще кивнула Лорен и раздвинула дверь. Лорен глубоко вздохнула.

Она вошла в комнату и снова поразилась простоте и элегантности обстановки. Основное место в комнате занимали книжные полки, поднимающиеся от пола до потолка вдоль стены и по обе стороны большого камина. Каминная полка была украшена затейливой и искусной резьбой. Одну из стен полностью занимало высокое французское окно.

Пол был покрыт обюссонским⁶ ковром. Обитые кожей стулья и маленький столик были расположены так, словно приглашали к интимной беседе. В низком буфете поблескивали хрустальные графины и фужеры. Занавески были полностью раздвинуты, давая возможность полуденному солнцу беспрепятственно проникать в комнату.

Возле окна стоял массивный письменный стол, заваленный кожаными папками и бумагами разного размера, формы и цвета. За письменным столом в кожаном кресле с высокой спинкой сидела Оливия. Стул перед столом занимал низенький, плотный человек, которого Лорен видела с Оливией во время похорон. Когда она вошла, он встал и пошел ей навстречу.

– Мисс Холбрук, счастлив с вами познакомиться. Жаль, что сложившиеся обстоятельства не позволили нам встретиться раньше. Надеюсь, вы не испытывали особых неудобств после приезда. – По-видимому, он не ждал ответа, потому что продолжал: – Я Карсон Уэллс, старый друг Бена и Оливии, а также их поверенный. Здравствуйте.

– Здравствуйте, мистер Уэллс.

Встретив любезный прием, Лорен успокоилась. Она отвечала на вопросы обстоятельно и твердо:

– Я не испытывала никаких неудобств, напротив. Но мне жаль, что мой приезд совпал с таким несчастьем и я невольно оказалась нежелательной гостьей.

– Никто вас не осуждает.

Мистер Уэллс говорил с ней мягко, и Лорен была рада его присутствию в комнате. Он был совершенно лысым, если не считать скудной растительности неопределенного цвета на затылке.

Как бы для того, чтобы компенсировать отсутствие волос на голове, его старомодные пышные бакенбарды свисали до крыльев мясистого носа. Он смотрел на Лорен добрыми, улыбчивыми глазами, казалось, понимая, в какой неловкой ситуации она оказалась.

Оливия, до сих пор не издавшая ни звука, вдруг заговорила ровным, спокойным голосом:

– Мистер Уэллс и я хотим с вами поговорить, мисс Холбрук. Не сядете ли вы? Не выпьете ли глоток шерри?

Лорен присела на стул, предложенный ей мистером Уэллсом, и отказалась от шерри. Оливия занимала такое место, что солнце прекрасно освещало ее фигуру, но на лицо свет не падал, оно оставалось в тени и казалось непроницаемым.

Лорен подумала, знал ли Бен, насколько удобно вести беседу с этого места за его письменным столом. Ей, сидящей напротив, приходилось щуриться, чтобы отчетливо видеть Оливию.

⁶ Название происходит от французского города Обюссон, где находились Национальная школа прикладного и декоративного искусства и мастерская по производству тканей, гобеленов и ковров.

– Начну с главного, мисс Холбрук. Я так и не знаю причины, по которой мой муж пригласил вас сюда. У меня возникали кое-какие идеи на этот счет, но, увидев вас, я поняла, что была не права.

Она никак не определила эти идеи, и смысл ее слов так и остался загадкой для Лорен. Оливия продолжала:

– Во всяком случае, он хотел, чтобы вы остались здесь не меньше чем на два месяца. В ту ночь, когда у него случился приступ, как ни плохо ему было, он все-таки успел попросить меня разрешить вам остаться в доме на этот срок. Видимо, ваше пребывание здесь было важно для него.

Лорен нервно облизала губы. В горле у нее пересохло, и она не была уверена, что сможет сказать хоть слово.

– Ваш муж сказал мне, – проговорила Лорен с трудом, – что я могла бы заниматься вашей корреспонденцией, помогать вам принимать гостей или делать еще что-нибудь в этом роде. Я предполагала, что он предлагает мне место вашего секретаря.

Сердце Лорен билось так громко, что она с трудом слышала собственный голос.

Лицо Оливии изменило свое непроницаемое выражение, и на нем появилось нечто похожее на улыбку. Карсон Уэллс успокаивающе похлопал Лорен по руке и тихо сказал:

– Мисс Холбрук, Бен любил удивлять людей и подшучивать над ними. Оливия весьма успешно ведет дела, и у нее целый штат клерков в банке. Возможно, Бен и говорил вам, что ей нужен секретарь, но, уверяю вас, у него были для этого какие-то тайные причины.

Банк? Лорен ничего не знала о банке. Пытаясь ухватиться за последнюю возможность, она, запинаясь, произнесла:

– Я... я хорошо играю на фортепиано. Может быть, он думал, что я смогу давать концерты для ваших гостей.

Оливия насмешливо подняла бровь:

– Не сомневаюсь, что это было бы прекрасно, но у нас даже нет фортепиано.

Лорен оцепенела и не знала, что на это ответить. Униженная до последней степени, она опустила голову и уставилась на свой влажный и измятый носовой платок, зажатый в ладонях.

– Простите. Я не знала об этом. Вы, должно быть, подумали... я была так уверена... Он не сказал мне...

Слезы, туманившие ее глаза, наконец пролились и потекли по щекам.

– Ну, ну, не стоит так горевать, – сказал Карсон. – Я боюсь, что старина Бен просто пошутил по своему обыкновению, и на сей раз пострадавшей оказались вы, но сам он не дождал до того момента, когда придет время полюбоваться на результат. Вы можете пожить здесь некоторое время. Оливия и я постараемся сделать так, чтобы ваше пребывание в доме оказалось приятным. А теперь перестаньте плакать.

Судя по его голосу, Карсон был искренне огорчен и так сильно похлопывал Лорен по руке, что даже причинил ей боль.

– Вы присоединитесь к нам в столовой в семь тридцать, мисс Холбрук?

В голосе Оливии звучало раздражение столь очевидным проявлением чувств.

Лорен поняла, что аудиенция окончена, и поднялась:

– Да, благодарю вас, миссис Локетт.

Лорен пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы кивнуть каждому из них, и она направилась было к уже раздвинутой двери, готовая выскользнуть из комнаты и исчезнуть, когда ее остановил резкий оклик Оливии:

– Мисс Холбрук!

– Да, – отозвалась Лорен дрожащим голосом, повернувшись к хозяйке дома.

– Есть одна вещь, которую я должна знать.

– Оливия, пожалуйста, – перебил ее Карсон, но она не обратила внимания на его слова.
– Вы были любовницей моего мужа?

Любовницей! Это слово было брошено в нее, как камень, ударило о стены комнаты, рикошетом отдаваясь у нее в голове. Даже если бы Оливия действительно забросала ее камнями, Лорен не почувствовала бы себя более оскорбленной. Щеки ее пылали, а все тело заледенело.

– Нет! – задыхаясь, прошептала она. – Почему вы?.. Нет, нет. – Она была так потрясена, что и не подумала отрицать это нелепое предположение более красноречиво.

– Я так и думала, – произнесла Оливия, – увидимся за обедом.

На обратном пути в свою комнату Лорен с трудом сохраняла душевное равновесие. Закрыв дверь, она упала на постель и заплакала. Ей было больно, и в то же время она досадовала на свою наивность. Почему Оливия заподозрила ее и даже осмелилась прямо спросить об этом? Как жестоко и несправедливо.

Лорен горевала о человеке, которому доверилась и который обманул ее. Ее мучила тревога, будущее не предвещало ничего хорошего.

Два месяца! Что, по мнению Бена, должно было произойти за это время? А потом? Что она будет делать потом?

Лорен тщательно оделась к обеду, выбрав одно из двух красивых платьев, имевшихся в ее гардеробе. Оно было из мягкой лиловой вуали⁷. Корсаж украшали изящные складки и крошечные жемчужные пуговицы, высокий отделанный кружевами воротник закрывал почти всю шею и доходил до подбородка. Мягкие складки юбки ниспадали на белые кожаные туфельки.

Елена помогала ей одеваться. Теперь ей казалось почти естественным, что мексиканка помогала ей мыться и одеваться. Лорен всегда была в той или иной степени одинока, но в последние несколько дней она чувствовала свое одиночество так остро, как никогда раньше. Поэтому она была благодарна Елене за ее заботу и внимание.

Столовая была обставлена так же элегантно и с тем же вкусом, что и все другие комнаты в доме. Если Карсон или Оливия и заметили покрасневшие глаза Лорен, то ни словом не обмолвились об этом.

Блюда подавала тучная мексиканка, и Лорен решила, что это и есть Роза, мать Елены. Каждый раз, возникая у стола с очередным кушаньем, она поглядывала на Лорен и улыбалась ей с очевидным дружелюбием. Лорен отвечала ей благодарной улыбкой.

Еда была великолепная, и Лорен ела все, кроме бобов в пикантном соусе, которые, судя по всему, были основным блюдом каждой трапезы, кроме завтрака.

Беседа ограничивалась простыми, обыденными темами, и Лорен, присутствовавшая на многих обедах, подобных этому, в доме Пратеров, чувствовала себя свободно. Она удивлялась, куда мог подеваться Джеред Локетт, и вздрогнула, когда Карсон заговорил о нем, словно он мог прочесть ее мысли. Его отсутствие за столом, как видно, их не беспокоило. Оливия мимоходом сказала Карсону, что Джеред пробудет несколько дней в «Кипойнте».

Оливия почувствовала облегчение, заметив, что Лорен Холбрук, по крайней мере, обладает хорошими манерами. Если в доме появится гость, она может не опасаться, что ей придется объяснять неуклюжесть, промахи и нелепое поведение этой глупой потаскушки, так она назвала девушку, когда Бен впервые рассказал ей о ней. Судя по всему, эта молодая особа была образованна и умеет владеть собой. Она быстро взяла себя в руки, когда поддалась было недостойной женской слабости и расплакалась. Как мила, как пленительна, думала Оливия с иронией. Естественно, Карсон тут же попался на удочку, как все мужчины, при виде женских слез. Редко кто из них может устоять при виде уязвимой, хрупкой женщины.

⁷ Сорт легкой, прозрачной ткани.

Сегодня днем Карсон Уэллс и впрямь почувствовал сострадание к Лорен при виде ее бедственного положения. Она оказалась совсем не такой, какой, по его представлению, должна была быть. В ней не было ничего от расчетливой и хитрой искательницы приключений. Он ожидал увидеть шлюху, которая положит младенца на крыльцо Локеттов, заявит, что это ребенок Бена, и потребует кругленькую сумму.

Лорен Холбрук оказалась невинной жертвой обстоятельств. Оливия могла бы и не спрашивать девушку о ее отношениях с Беном. Он, конечно, не планировал сделать ее своей любовницей. Карсон был в этом уверен. Бену нравились смазливые, наглые, похотливые бабенки. Эта хрупкая молодая женщина с глазами лани могла растопить мужское сердце своей изящной красотой, но никогда бы не зажгла огонь в чреслах Бена Локетта.

Что касается Карсона, то для него существовала только одна женщина. Но ни одному мужчине не было суждено обладать ею, подчинить ее своей воле. Карсон любил Оливию Локетт. После всех этих лет душевных страданий, несмотря на угнетающее его чувство вины перед своим лучшим другом, Карсон все еще любил ее.

Разговор зашел о делах, и Лорен рассеянно слушала, не пытаясь понять, о чем речь. Она думала о том, на каком стуле сидел Джеред, когда обедал за этим столом.

Однако кое-что в разговоре заинтересовало ее. Лорен поняла, что Локетты владели банком Коронадо. Они хотели построить в Коронадо железную дорогу, хотя это и было связано с преодолением некоторых трудностей. Ранчо «Кипойнт» управлял некто по имени Мендес, хотя Локетты имели полную информацию о всех доходах и расходах до последнего цента.

– Мы должны заполучить сюда Вандайвера, Оливия, – убежденно говорил Карсон, – ублажать его и умамливать, потому что за ним стоит сила. Без него не будет никакой железной дороги. Теперь, когда Бен... теперь надо попытаться снова к нему подъехать.

– Нам надо прийти к соглашению о правах на воду, ты же знаешь, – сказала Оливия холодно.

– С этим мы разберемся, когда придет время. А сейчас для нас важно убедить их в своей заинтересованности. А как насчет Джереда, Оливия? Он не будет возражать?

– Джеред сделает все, что мы ему скажем, – огрызнулась она.

– Конечно, Джеред знает, что Бен хотел построить эту дорогу. Думаю, этот факт будет решающим для него.

Они замолчали, и Лорен робко посмотрела на них. У обоих были глубоко озабоченные лица.

* * *

Тащась вверх по лестнице, Джеред чувствовал себя усталым и грязным, ему страшно хотелось выпить. Даже в такой день, как сегодня, в начале октября, путь верхом от ранчо был тяжелым – жара все еще не спадала. Поднимающиеся клубы пыли на дорогах мешали дышать. Со дня похорон не выпало ни одного дождя. Внезапно пришедшая мысль заставила его остановиться, усилием воли он подавил тревогу.

Добравшись до верхней площадки, Джеред заметил, что дверь в конце коридора слегка приоткрыта. По причине, которую он не смог бы объяснить, молодой человек старался ступать как можно тише. Его шаги были настолько бесшумными, что не звенели даже шпоры. «Торн мог бы гордиться мной», – подумал он с улыбкой.

Джеред остановился возле своей двери и взялся за дверную ручку, однако любопытство победило. Он прошел дальше по коридору к комнате для гостей.

Почему бы и не открыть дверь? Возможно, ее там нет. А если она там? Ну и что, какого черта... Ведь это его дом, разве нет?

Он толкнул дверь, и она отворилась. Слава богу, петли были хорошо смазаны, и дверь не закрипела. Лорен сидела за маленьким письменным столом. Она отвечала на письма с соболезнованиями. Лорен настояла на том, чтобы взять на себя этот труд, и Оливия хоть и неохотно, но не без тайного чувства уважения к девушке предоставила ей возможность заняться этим скучным делом.

«Ну и ну, а старик-то знал, что делает», – подумал Джеред. К сожалению, Лорен сидела спиной к нему, но, размышляя над тем, как лучше составить письмо, она слегка наклонила голову.

В комнате была абсолютная тишина, если не считать скрипа пера по бумаге и тиканья маленьких часов на столике у кровати. В луче теплого полуденного солнца, косо падающего в комнату, плясали пылинки.

Лорен слегка распрямилась и глубоко вздохнула, окуная перо в чернильницу. Джеред затаил дыхание, боясь выдать свое присутствие, но Лорен снова склонилась над бумагой. Со своего наблюдательного пункта у двери Джеред мог видеть лишь часть ее лица – гладкая цвета слоновой кости кожа с легким румянцем на скулах и маленькие очки на прямом, изящном носике.

«Она одета слишком строго для молодой хорошенькой женщины», – подумал Джеред. Белая блузка с высоким воротом и темно-бордовая юбка подошли бы скорее какой-нибудь сельской учительнице. Ряд пуговиц на спине просто притягивал взгляд, словно приглашая мужчину провести по ним рукой снизу вверх, прямо к стройной, изящной шее, над которой возвышалась роскошная масса волос, убранных в пышную прическу. Боже, что за волосы! Угольно-черные, отливающие синевой, они просто потрясали. Несколько прядей выбилось из тяжелого пучка и кокетливо лежало на шее. «Как восхитительно будет пропустить эту тяжелую шелковистую массу сквозь пальцы», – подумал Джеред.

Она была стройной. Пожалуй, даже слишком. Можно сказать, худой.

Стараясь не шуметь, чтобы не испортить эффект, он очень медленно достал из нагрудного кармана сигару с обрезанным кончиком и спички. Зажав сигару в зубах и придав своему лицу то выражение, которое он предпочитал показывать миру, Джеред чиркнул спичкой о дверной косяк.

В маленькой тихой комнатке этот звук был похож на пушечный выстрел, и Лорен испуганно вскочила. Она буквально вжалась в письменный стол, увидев Джереда, и прижала свою изящную, сжатую в кулачок руку к груди.

Джеред быстро обежал взглядом ее фигуру. Пожалуй, он был не прав, она вовсе не худая.

Лорен в ужасе смотрела на него поверх очков, и Джеред даже несколько опешил, встретившись с ней взглядом. Черт возьми, какого же цвета у нее глаза? Синие? Нет, серые. Вот черт! Надо отдать должное старику. Она совсем недурна.

Прижавшись к письменному столу, чтобы удержаться на ногах, Лорен чувствовала себя загнанным в угол животным. Не спуская с нее глаз, Джеред попыхивал сигарой. Дым окутал его лицо. Большим пальцем он лениво сдвинул свою шляпу с плоской тульей со лба, и она повисла у него за спиной на тонком кожаном ремешке.

Он плотоядно обшаривал ее тело нагло прищуренными глазами до тех пор, пока ее щеки не запылали от смущения.

Лорен, не шевелясь и не произнося ни слова, так же пристально смотрела на Джереда. Его выгоревшие на солнце каштановые волосы, как она и предполагала, отливали золотом. Смуглая от природы кожа еще больше потемнела от долгого пребывания на солнце. Темно-янтарного цвета глаза напоминали два великолепных топаза.

В нем было много от Бена, и прежде всего статная фигура, но в лице его не было и намека на веселость отца. Выражение его лица и манера держаться свидетельствовали о высокомерии, тщеславии и презрении к людям.

Джеред стоял, небрежно привалившись к дверному косяку и скрестив ноги. На нем была та же одежда, что и при их первой встрече, когда она увидела его спящим на дне повозки, но на этот раз на шее был повязан цветной платок. Лорен обратила внимание на серебряные шпоры, украшавшие его сапоги, и с минуту она не сводила с них глаз, потом, медленно поднимая глаза, она оглядела все его длинное тело, и наконец ее взгляд встретился с взглядом его янтарных глаз. Их выражение нетрудно было разгадать – он ее оценивал.

– Мисс Холбрук, я зашел принести вам свои нижайшие извинения. Сознаю, что при первой нашей встрече я был не в форме и вел себя отвратительно.

Он говорил голосом Бена, низким и глубоким, но тон его был полон сарказма. Лорен недоумевала, откуда такое презрение. Это она имела основания презирать его.

– Что мне сделать, чтобы искупить свою вину?

– Вам следовало бы начать с извинения за то, что вы вошли в мою комнату без приглашения, – заметила она.

Джеред явно удивился ее апломбу, и одна его бровь недоуменно приподнялась. Однако он быстро пришел в себя и спросил мягким и заговорщическим тоном:

– Вы пригласите меня войти, мисс Холбрук?

Лорен покраснела, заметив, что он сделал ударение на слове «мисс». Почувствовав, что все еще прижимает к груди сжатый кулачок, она медленно опустила руку, слегка прикоснувшись к своим часам. Другой рукой она сняла очки. Джеред с улыбкой наблюдал за ее замешательством, и от его внимания не ускользнуло ее легкое прикосновение к часам на груди.

– Они все еще на месте, – сказал он, – я не вор.

Оттолкнувшись от косяка, он прошел в комнату медленной, хищной походкой крадущейся кошки. Шпоры его позвякивали на деревянном полу.

Горло Лорен свело судорогой, когда Джеред оказался всего в нескольких дюймах от нее. Он возвышался над ней, как башня, и ей пришлось откинуть голову, чтобы видеть его. Для этого потребовалось все ее мужество, но Лорен интуитивно поняла, что, если он догадается о ее страхе, это может повредить ей.

Но ее сердце сжалось от страха, когда его рука с длинными пальцами потянулась к ее груди. Лорен собрала в кулак всю свою волю, чтобы не отпрянуть.

– Что это? – спросил он мягко, коснувшись часов, приколотых к ее блузке. Она чувствовала его дыхание на своем лице, от которого шевелились тонкие пряди волос, обрамлявшие ее лоб. От него пахло табаком.

Джеред отколот часы и, положив их себе на ладонь, стал внимательно рассматривать. Его лицо приняло задумчивое выражение, явно противоречащее эмоциональному напряжению, охватившему Лорен.

Она чувствовала жар во всем теле. Все ее существо было охвачено непонятным и не поддающимся определению стремлением придвинуться к этому человеку, находящемуся в опасной близости от нее.

Джеред приколот брошь к ее блузке, при этом его рука чуть дольше задержалась на ее груди, как бы проверяя, что украшение держится прочно.

Казалось, время остановилось. Янтарные и серые глаза неотрывно смотрели друг на друга, и постепенно взгляд Джереда изменился: теперь в нем читалось удивление. Он слегка склонился к Лорен, и на секунду ей показалось, что он хочет поцеловать ее. Влажные губы девушки раскрылись независимо от ее воли.

Лорен не подозревала, что именно это произвольное призывное движение губ сразу же оттолкнуло Джереда, вернув на его лицо привычную защитную маску презрения. В его

глазах, только что потеплевших, вновь блеснула холодная насмешка, и Лорен не могла не заметить этой мгновенной перемены. Он сильнее нажал на ее грудь, и в этом порыве уже не было прежней нежности.

Быстрым, как молния, движением она ударила его по руке.

Он засмеялся хриплым гортанным смехом.

– В чем дело, мисс Холбрук? Я только хотел узнать, который час, – насмешливо произнес Джеред.

Лорен ничего не ответила, отчаянно пытаясь справиться с дурнотой и вернуть себе утраченное присутствие духа. Когда она наконец заговорила, ее дыхание все еще было неровным:

– Пожалуйста, мистер Локетт, у меня много работы.

Почему ее сердце вот-вот выскочит из груди? Почему каждый его удар отдается такой болью? Она больше не в силах смотреть на это красивое лицо, в эти янтарные глаза. Почему он не уходит? Почему ей не хочется, чтобы он уходил?

Джеред отступил от нее, поднял руку с зажатой в пальцах сигарой и глубоко затянулся.

– Думаю, мы увидимся за обедом, – сказал он, медленно растягивая слова, и вышел, не оглянувшись.

Ошеломленная Лорен подошла к двери и закрыла ее.

5

Все собрались в парадной гостиной, соседствующей со столовой. Спускаясь по широкой лестнице, Лорен слышала приглушенный гул голосов. Ей предстояло пройти через серьезное испытание. Кроме Джереда, по сведениям Елены, на обеде должны были присутствовать трое гостей. Одним из них был мистер Уэллс, в чьем обществе она чувствовала себя достаточно свободно. Он часто бывал в доме Оливии. Двое других гостей были из Остина, какие-то важные шишки.

Лорен шла по широкому коридору, думая о том, как войдет в гостиную. Она боялась встречи с этими влиятельными людьми из столицы штата, но истинной причиной ее замешательства был Джеред Локетт. Их неординарное знакомство сегодня днем повергло ее в смятение.

На ней было ее лучшее платье из крепа, переливающегося, как хвост павлина. Высокий ворот и прямые, в обтяжку рукава были отделаны кремовыми кружевами. Широкий пояс того же цвета, что и кружева, и шелковая роза, приколотая с левой стороны груди, дополняли наряд. Лорен остановилась в дверях гостиной, рассматривая собравшееся общество.

Оливия и Карсон о чем-то говорили, склонившись над картами или диаграммами, которые гости из столицы разложили перед ними на низком столике. Все четверо не обратили на нее никакого внимания.

Джеред развалился на стуле, вытянув перед собой скрещенные длинные ноги в сапогах. Он изучал содержимое хрустального бокала с интересом, достойным ученого-химика. Янтарная жидкость была такого же цвета, как и его глаза.

И эта комната свидетельствовала о безупречном вкусе Оливии. Мягкий свет стеклянных ламп под круглыми абажурами, словно покрытыми изморозью. Продуманно расставленные диваны и стулья, обтянутые дамасом пастельных тонов, прекрасно гармонировали с драпировками на широких окнах. Персидский ковер приглушенных зеленых, золотистых и бежевых тонов покрывал большую часть пола, подчеркивая красоту мебели.

Каждая ваза, пепельница и картина были выбраны и расположены с большим вкусом. Это была спокойная, мирная комната. Но, как и женщина, обставлявшая ее, она была лишена тепла и веселости.

Первым Лорен заметил Карсон Уэллс и тотчас же направился к ней, протягивая руки.

– Мисс Холбрук, право, сегодня вы выглядите прекрасно.

Он всегда встречал ее с галантностью, столь же чрезмерной и старомодной, как и его бакенбарды, но Лорен была благодарна ему за приветливую улыбку и неуверенно улыбнулась в ответ:

– Добрый вечер, мистер Уэллс.

– Позвольте мне представить вам наших гостей. – Он взял ее за руку и подвел к двум мужчинам, стоявшим у стола с разложенными картами или диаграммами. – Мисс Холбрук, могу я представить вам мистера Паркера Вандайвера и его сына Курта. Джентльмены, мисс Лорен Холбрук.

Мужчины поклонились Лорен, и она кивнула каждому из них. Курт Вандайвер взял ее руку, поднес к губам и поцеловал воздух в нескольких дюймах от нее.

– Право же, это большая честь – познакомиться со столь прелестной женщиной здесь, в Коронадо. Большая честь и большой сюрприз, – сказал Курт, глядя на Лорен блестящими глазами.

С противоположного конца комнаты донесся резкий, грубый смешок. Все присутствующие предпочли его не услышать, но щеки смущенной Лорен запылали еще сильнее.

– Мы гордимся прекрасными техасскими женщинами, мисс Холбрук, но, похоже, все они переселились сюда из Северной Каролины или подобных ей мест. Кажется, Карсон сказал, что вы приехали оттуда.

Младший Вандайвер все еще держал ее руку, и, пока он произносил свой сложный комплимент, Лорен старалась тихонько высвободить ее.

– Да, я из Клейтона. Это в Северной Каролине. Благодарю вас, мистер Вандайвер.

– Добрый вечер, Лорен. Не хотите ли немного шерри?

Оливия впервые заговорила с ней. Она была одета в черное, и Лорен отметила про себя, что со дня похорон Оливия первый раз надела траур. Нефритовые серьги и такие же бусы – вот и все ее украшения. Оливия была красива, но в красоте ее было что-то пугающее. Лорен смотрела на нее, как смотрят на смертельно опасное животное, – с восхищением и одновременно со страхом.

– Да, благодарю вас, я сама налью себе, – ответила Лорен на вопрос Оливии.

– Нет, позвольте мне это сделать, мисс Холбрук. Присядьте, я принесу вам шерри. – Курт галантно взял ее под локоть, подвел к одному из маленьких диванчиков и направился к буфету, уставленному бутылками с напитками и бокалами.

Взгляд Лорен против ее воли нашел молчаливую мужскую фигуру на стуле. Джеред смотрел прямо на нее своими янтарными глазами, и взгляд его был почти угрожающим. «Он даже не встал, когда я вошла в гостиную, – подумала Лорен. – Как он груб!»

Лорен затаила дыхание, боясь, что он заговорит о том, что произошло сегодня днем в ее комнате, но Джеред, внимательно разглядывая на свет содержимое своего бокала, произнес скучным голосом:

– Добрый вечер, мисс Холбрук.

В его устах это прозвучало как оскорбление.

Курт принес ей шерри, и Лорен быстро отпила глоток, стараясь не думать о Джереде. Курт сел на диван рядом с ней и начал расспрашивать о причине ее приезда в Техас. Лорен старалась отделяться общими фразами, насколько это было возможно. Настойчивый интерес Курта смущал ее. Лорен пыталась отодвинуться от него как можно дальше, что было весьма затруднительно, поскольку его тяжелое, мощное тело занимало большую часть дивана. Она ловко перевела разговор на другую тему, чтобы отвлечь его внимание от своей персоны:

– А какие у вас здесь дела, мистер Вандайвер?

Кажется, однажды за обедом Оливия и Карсон упоминали Вандайверов? Она не могла вспомнить, в связи с чем.

– Вложение капитала.

Девушка была явно озадачена его ответом, и Курт рассмеялся:

– Разного рода вложения – железные дороги, пиломатериалы, скот. Сейчас нас интересует электрификация маленьких городков.

– Понятно, – пробормотала Лорен.

Карсон взял инициативу в свои руки и принялся рассказывать какую-то историю, которую, по-видимому, считал очень смешной. Лорен искоса наблюдала за Джередем, который поднялся со стула, прошествовал к буфету и налил себе очередную порцию неразбавленного виски. Оливия пригласила всех к столу. Для Лорен ее приглашение прозвучало как команда. Или угроза.

Лорен бросила взгляд на Оливию и заметила, что ее острые холодные глаза постоянно следят за сыном. словно бы провоцируя ее, Джеред быстро проглотил напиток, налил еще и направился в столовую, прихватив с собой бокал с виски и хрустальный графин. Если кто-нибудь и обратил внимание на враждебные взгляды матери и сына, то не подал вида. Вандайверы от души смеялись над историей, рассказанной Карсоном по пути в столовую.

Оливия и Карсон заняли места на противоположных концах стола, друг против друга, Лорен и Курт сели по одну сторону, а Паркер и Джеред – по другую. Джеред оказался как раз напротив Лорен. Садясь за стол, он окинул ее оценивающим взглядом, но лицо его осталось бесстрастным.

За обедом прислуживала Роза, сменившая по этому случаю свои яркие пестрые юбки и свободную блузу на белую накрахмаленную униформу.

Лорен незаметно изучала Вандайверов. У Паркера было чистое лицо сильного, если не жестокого, человека. Его пронзительные голубые глаза обшаривали комнату, словно выискивая какие-то секреты. Его тон был вежливым, манеры безукоризненными, но Лорен подзревала, что у него были исключительно деловые интересы, все остальное он отбрасывал за ненадобностью и даже не прислушивался к тому, о чем говорилось за столом. У него было плотное, крепко сбитое тело. Толстые руки с пальцами, похожими на тугие розовые сосиски, были сложены на животе. Эта расслабленная поза не вязалась с его пронзительным взглядом.

Курт был выше ростом, хотя и такого же плотного сложения. Глаза столь же пронзительные, как и у отца, но то появляющиеся, то исчезающие ямочки на щеках смягчали общее выражение воинственности. Его коротко постриженные жесткие светлые волосы лежали на голове, как плотно надетая шапочка. На слишком румянном лице с тяжелым лбом поражали совершенно белые брови.

Несмотря на внешность тевтонских воинов, оба Вандайвера были сама любезность, но Лорен чувствовала к ним инстинктивное недоверие. Их манеры были уж слишком безукоризненными, разговор слишком оживленным, словно они изо всех сил старались понравиться. В целом же ей казалось, что все их поведение было тщательно отрепетировано. Она невольно содрогнулась, поймав на себе взгляд Курта. Выражение алчности на его лице напомнило ей Уильяма.

Джеред говорил очень мало, почти ничего не ел, но зато много пил. Когда кто-нибудь обращался к нему, он отвечал тихим, невнятным бормотанием и сам разговора не начинал. Лорен чувствовала себя неловко под его неотступным, внимательным взглядом.

Если Лорен находила обед скучным, то для Джереда он был просто невыносимым. Он презирал Вандайверов и их ненасытную алчность, которую они безуспешно пытались замаскировать любезной беседой и учтивыми манерами. Джеред ненавидел обман и притворство во всех их проявлениях. «А эта китайская фарфоровая куколка, что сидит напротив меня, – специалист в этом деле», – подумал он.

Сначала Джеред пытался не обращать внимания на Лорен, но в конце концов дал себе волю и начал присматриваться к ней, стараясь разгадать, кто она на самом деле. Джеред признался себе, что она совсем не такая девушка, какую он ожидал увидеть. А Джеред терпеть не мог сюрпризов. Вот почему он так разозлился на отца в ту ночь, накануне его смерти.

«Нет, и думать не хочу об этом», – сказал он себе.

Лорен пользовалась столовыми приборами легко и изящно, и Джеред не мог отвести глаз от ее рук, нежных и гладких, с длинными, тонкими пальцами и овальными, розовыми, ухоженными ногтями. А что он, собственно, рассчитывал увидеть? Что она красит ногти ярко-красным лаком?

«Ну конечно, – вспомнил Джеред, – отец говорил, что она пианистка». Он ухмыльнулся про себя и цинично подумал, что для этих ручек можно найти более приятное занятие. После этой мысли пришла другая: а знакома ли Лорен с такого рода утехами? Скорее всего, нет, решил он. Сегодня днем, прикоснувшись к ней, он увидел в ее глазах боязливую настороженность. И это было искренне. Вот в чем загвоздка.

Она подняла пушистые ресницы и твердым взглядом посмотрела ему в глаза, потом быстро отвела взгляд. Он мог понять, почему Бен поддался чарам этой маленькой шлюхи. В

ее серых глазах мог утонуть любой мужчина, даже не поняв, что гибнет. Она к тому же умела пользоваться их неотразимостью. Никогда не смотрела открыто в лицо, только исподтишка, уклончиво. Этого было достаточно, чтобы свести с ума.

У этой женщины слишком много волос, решил он. Они кажутся непомерно тяжелыми для ее тонкого лица и изящной фигуры. Однако этот пышный ореол высоко поднятых волос, окружавший ее лицо, не мог не вызвать восхищения. Ей не требовалось, как многим женщинам, подкладывать в шиньон маленькие подушечки, чтобы прическа казалась пышнее, – у нее было достаточно своих волос. А тонкие пряди на висках, выбившиеся из прически, казались прозрачнее фарфора, на котором они ели.

Его взгляд остановился на золотых часиках у нее на груди. Джеред беспокойно заерзал на стуле и невольно провел языком по сухим губам, не в силах отвести глаз от ее поднимающейся и опускающейся груди. Что бы она ни замышляла, по каким бы причинам ни проехала полстраны в погоне за Беном, в этой девушке было что-то настоящее, искреннее, даже если ее спокойный тон и безукоризненные манеры были хорошо продуманной игрой.

Джеред вновь ощутил упругость ее груди под своей ладонью, и его рука слегка дрогнула, когда он наливал себе очередную порцию виски.

Джеред понимал, что ему следовало бы уйти, оседлать Чарджера и отправиться в Пуэбло, чтобы снять напряжение с какой-нибудь красоткой, вместо того чтобы утруждать себя слишком сложными мыслями. Но ему этого не хотелось.

Он понимал, что его упорный взгляд смущает Лорен. Даже если это занятие само по себе не было бы для него развлечением, то ее смущение служило достаточным основанием для того, чтобы остаться.

* * *

Когда после обеда они вернулись в гостиную, Карсон заметил:

– Как жаль, что у вас нет фортепиано, Оливия, Лорен могла бы поиграть нам.

– О, и в самом деле жаль. Я охотно послушал бы вашу игру, – сказал Курт, прикасаясь к локтю Лорен.

– Что привело вас в Техас, мисс Холбрук? – прямо спросил Паркер Вандайвер.

Лорен растерялась. Холодные пронзительные голубые глаза смотрели на нее с вызовом.

– Лорен – сестра одного из друзей Джереда по Гарварду. Однажды на праздники Джеред навестил Холбруков и провел у них каникулы, и нам захотелось отплатить за их гостеприимство. Так как ее брат уже женат, мы послали приглашение Лорен. Бен по пути из Нью-Йорка заехал за Лорен и привез ее к нам.

Лорен смотрела на без запинки лгущую Оливию, не веря своим ушам. Та ответила на ее изумленный взгляд ослепительной улыбкой и продолжала:

– С тех пор как Бена не стало, она для меня утешение и поддержка. Не знаю, как я обходилась бы без нее.

Изумление Лорен сменилось гневом. Как смеет Оливия сочинять о ней такие басни! Это бессовестно! Ей нечего стыдиться и не за что извиняться.

– Не помню, чтобы я видел ее на похоронах, – едко заметил Паркер.

– Лорен была вне себя от горя. Во время поездки они с Беном очень привязались друг к другу. Я не могла позволить девушке пройти через такое испытание на людях, – просто сказала Оливия.

– Это вполне объяснимо. Я чувствовал то же самое, когда умерла моя мать, – прошептал Курт, касаясь руки Лорен. Она быстро ее отдернула.

Карсон попытался направить беседу в другое русло:

– Расскажите нам, Паркер, об электростанции, которую вы собираетесь построить. В чем заключается ваша идея?

– Это не идея, Карсон. Это – твердое намерение. Мы собираемся ее построить так или иначе. Конечно, нам хотелось бы заручиться поддержкой Локеттов.

– А что же будет с электрической компанией, которая уже существует здесь? – спросила Оливия, моментально переключившись на деловой разговор. Она говорила о небольшой электростанции, которой владел Орвил Кендрик. Лорен однажды слышала, как Оливия и Карсон говорили о ней. Эта электростанция обеспечивала электричеством жителей Коронадо и подавала электроэнергию каждый вечер с шести до десяти часов. Как ни странно, но в доме Локеттов еще не было электричества.

– Вне всякого сомнения, она окажется не у дел, – резко ответил Паркер. – Наша электростанция будет давать энергию круглые сутки. Кендрик не сможет выдержать конкуренции. В один прекрасный день, и этот день уже не за горами, на электричестве будет работать все.

Курт наклонился к Лорен и спросил:

– А что вы думаете об электрическом освещении, мисс Лорен Холбрук?

Все посмотрели на нее, и Лорен после некоторого замешательства застенчиво ответила:

– Я думаю, это уродливо. – Увидев изумление на их лицах, она поспешила добавить: – Я понимаю необходимость этого и согласна с мистером Вандайвером, что все мы скоро будем зависеть от электричества, и все же считаю, что это безобразно. Я предпочитаю мягкий газовый свет.

– Вот мнение подлинного романтика, – сказал Курт и одобрительно кивнул.

– Ну и ну!

В этом восклицании было столько язвительности, что все взгляды обратились к Джереду, снова развалившемуся на стуле. С обеда он впервые подал голос.

– Меня интересует ваше мнение, Джеред, – прервал молчание Паркер.

– Я считаю, что мы должны перестать нести чушь и перейти к сути дела, мистер Вандайвер, – жестко и спокойно ответил Джеред.

– А что вы имеете в виду, говоря о сути дела? – отпарировал Паркер.

Джеред медленно встал, подошел к буфету, налил полный бокал виски и только тогда повернулся к Паркеру. Лорен отметила про себя, что безупречно сшитый черный шерстяной костюм прекрасно сидит на его ладной фигуре. Белый воротник рубашки подчеркивал смуглую кожу лица, которое сейчас было хмурым и даже суровым.

– Суть дела состоит в том, что вы хотите построить электростанцию, которая уничтожит другого человека и его дело. Для того чтобы генерировать электроэнергию, вашей электростанции потребуется вода. Самые доступные источники воды находятся на землях Локеттов. Кажется, пока я прав?

– Ваша оценка фактов несколько искажает действительность, но суть передает верно. – Паркер говорил спокойно, хотя его лицо стало красным, а жирные пальцы яростно теребили цепочку золотых часов, которые он носил в нагрудном кармане.

– Что же станет с людьми, которые зависят от этой воды, для которых доступ к ней – вопрос жизни или смерти, когда явитесь вы и поставите дамбу? Локетты всегда гордились тем, что щедро делились своей водой с другими. Да, это источник дохода, но иногда мой отец ограничивался тем, что брал от фермера в уплату за воду ягненка или двух, а бывало и маленькую корзинку кукурузы после сбора урожая. Даже до принятия закона о землевладении Бен разрешал владельцам ранчо поить своих коров и овец на своей земле, если их стада были не слишком велики. Как же будут жить эти люди, если вода станет для них недоступной?

Лорен жадно слушала. Джеред говорил очень убедительно. Его густые брови, так похожие на брови Бена, были решительно сдвинуты. Сейчас в его поведении не было ни вызова, ни наглости.

– Мистер Локетт... Джеред, – заговорил Паркер терпеливым и снисходительным тоном. – Поймите, что я разбираюсь в бизнесе лучше вас. В любом деле есть те, кто выигрывает, и те, кто теряет. Это краеугольный камень экономики.

– Я не идиот, Вандайвер, поэтому вам нет нужды говорить со мной как со слабоумным, – перебил его Джеред. – Я получил степень в Гарварде именно в сфере экономики, чем очень гордится моя мать. Пожалуйста, продолжайте, думаю, что смогу уследить за ходом ваших рассуждений, – говоря это, Джеред слегка приподнял бокал, как бы приветствуя собеседника.

– Ладно, я буду предельно откровенен, – сказал Паркер. – У вас свой интерес, у нас тоже. Заключим сделку. Вы получите железную дорогу, а мы электростанцию. И обе стороны будут в выигрыше.

– Паркер, я не думаю, что необход...

– Карсон, не перебивайте его, – резко скомандовал Джеред.

Лорен была удивлена, что Карсон без возражений подчинился.

– Мы как раз подходим к самой интересной части нашей беседы, к той, что называется «Вандайвер и сын», – язвительно произнес Джеред. – Эта компания проделала долгий путь из Остина и привезла с собой детальный проект трансвершинной железной дороги, которая будет соединять Остин с Коронадо. – Джеред прервался, чтобы сделать большой глоток из бокала. – Горестно думать, что они зря потратили время.

Лорен смотрела и слушала как зачарованная. С каждым разом этот человек становился для нее все большей загадкой. Ковбой, выпускник Гарвардского университета, бизнесмен?

– Вандайвер, – продолжал Джеред, – в Кервилле дорога существует уже несколько лет. Камфорт и Фредериксбург как раз ведут по этому поводу переговоры. Учитывая, что Локетты разводят скот, добывают гранит и занимаются поставкой кедрового леса, странно было бы думать, что мы нуждаемся в вашей помощи в строительстве железной дороги!

– Заткнись, Джеред. Ты пьян и оскорбляешь наших гостей, – пролаяла Оливия. Ее лицо было искажено гневом.

– Все в порядке, Оливия. Он задал простой вопрос, на который я дам столь же простой ответ. – Паркер слегка поклонился Оливии и повернулся к Джереду: – Бен Локетт был в этом штате уважаемым человеком. Очень могущественным человеком. Я мог бы и не говорить вам этого. И все же в течение многих лет он не мог провести железную дорогу в Коронадо.

– Именно потому, что не хотел лишать куска хлеба людей, которые его уважали! – воскликнул Джеред.

– Каковы бы ни были причины, у вас все еще нет железной дороги. А так уж случилось, что у меня много друзей в комитете по железнодорожному строительству. Если я скажу им, что строительство железной дороги в Коронадо сопряжено с большим риском... – Паркер выразительно пожал плечами. – С другой стороны, стоит мне сказать, что это дело сулит большие доходы, они ухватятся за идею ее строительства. Если уж такой влиятельный человек, как ваш отец, не смог добиться цели без моей помощи, то как собираетесь это сделать вы?

Последние слова Паркера несколько остудили Джереда. Он поставил бокал на маленький столик и в течение нескольких секунд смотрел прямо в глаза Паркеру. Паркер не отводил глаз, оценивая, как видно, возможности врага. Оба они молчали.

Понизив голос, Джеред спокойно произнес:

– Сукин сын.

Потом обратил горящий взор на Курта, который не проронил ни слова за все время этого обмена любезностями.

– Интересно узнать, кто же в таком случае вы. – В голосе его звучало презрение. Джеред перевел взгляд на Лорен, потом на мать и Карсона. На его лице появилась гримаса отвращения, сменившаяся выражением покорности, он резко повернулся и вышел. В каждом его шаге по паркетному полу был виден с трудом сдерживаемый гнев. Несколько секундами позже хлопнула парадная дверь.

Карсон мгновенно вспомнил о своей роли дипломата:

– Паркер, Курт, вы должны быть терпеливы с мальчиком. Он только что потерял отца. Смерть Бена очень отразилась на нем.

– Будь он мальчиком, я бы проявил терпение и простил его поведение, – сказал Паркер. – Но в данном случае мужчина тридцати с лишним лет ведет себя как мальчишка. Оливия, вам лучше самой уладить с ним все эти вопросы. Если в этом деле на него нельзя будет рассчитывать как на союзника, наша сделка не состоится. Ваш сын – наследник Бена, и за его поведением наблюдают. Если пойдут слухи, что он не умеет держать себя в руках и не может совладать со своими привычками, – Паркер бросил выразительный взгляд на буфет, – то я вряд ли решусь иметь с вами дело из опасения испортить свою репутацию.

– Понимаю, Паркер.

Зеленые глаза Оливии превратились в холодные изумрудные льдинки.

– Джеред примет нашу точку зрения. Так было всегда.

Лорен возмутила непоколебимая уверенность Оливии. Джеред был взрослым человеком и мог иметь свое собственное мнение. Она почувствовала потребность защитить его, но какое она имела на это право.

– У него ужасная репутация. О подробностях я не смею упомянуть в присутствии мисс Холбрук, – заявил Курт ханжеским тоном.

– Я не нуждаюсь в информации относительно пороков и добродетелей моего сына, мистер Вандайвер, – огрызнулась Оливия.

– Миссис Локетт, я только хотел сказать...

– Думаю, нам пора прощаться, – перебил сына Паркер. – Мы уже достаточно обсудили этот вопрос. Теперь нам следует продолжить разговор, основательно взвесив все «за» и «против».

Он встал, подошел к Оливии и взял ее руку обеими руками.

– Благодарю за прекрасный вечер, Оливия. Обед был превосходный. С говядиной Локеттов никакая другая не сравнится.

– Не сомневаюсь в нашем дальнейшем сотрудничестве, Паркер. Уверю вас, что все пройдет гладко.

– Надеюсь.

Курт пожелал доброй ночи Лорен, взяв ее руку и приложившись к ней мясистыми губами. Ей потребовалась немалая выдержка, чтобы не отдернуть руку. Девушка почувствовала огромное облегчение, когда за Вандайверами закрылась дубовая резная дверь с полукруглым стеклянным верхом.

Карсон, Оливия и Лорен стояли в коридоре. В доме царила полная тишина. Лорен повернулась к Оливии и посмотрела ей прямо в лицо:

– Миссис Локетт, почему вы солгали, объясняя причину моего появления здесь? Таким образом я невольно становлюсь соучастницей этой лжи.

Она сама удивилась своей смелости, но честность была неотъемлемой частью ее натуры.

– Невольно? – переспросила Оливия, и ее брови взлетели вверх, как два черных крыла. – Вы могли опровергнуть мои слова, но не сделали этого. Полагаю, вы так же, как и я, поняли, что моя история выглядит более правдоподобной и менее... компрометирующей.

Лорен посмотрела на Карсона, но тот не отрывал глаз от своих башмаков, не изъявляя желаний прийти ей на помощь. Она сцепила руки и закусилла нижнюю губу, сдерживая искушение вновь объяснять этой женщине, что между ней и Беном не было ничего, кроме дружбы, никаких отношений, которых можно было стыдиться.

Два месяца. Она должна продержаться хотя бы два месяца. И тогда... Лорен пожелала им спокойной ночи и поспешила наверх.

Карсон, лежа в постели, наблюдал за Оливией. Она вышла из-за декоративной ширмы и обнаженная прошла через комнату.

Эта женщина не переставала удивлять его. Он знал, что ей больше пятидесяти лет, но ее великолепное тело отрицало этот факт. Пока Оливия вынимала шпильки из прически и распускала волосы, он любовался ее высокой, крепкой, полной грудью, отражавшейся в зеркале-псише⁸. Живот у нее был плоским, бедра не отяжелевшими, как обычно бывает у женщин среднего возраста, а упругими и стройными, кожа на ягодицах гладкая.

Каждый раз при виде ее красоты Карсон болезненно ощущал свои физические недостатки. Уже не удерживаемый плотно обтягивающим жилетом живот отвисал, а короткие ноги с возрастом потолстели. Карсон всегда завидовал высокой, гибкой фигуре своего друга Бена. Его тренированное тело и густые белые волосы сводили женщин с ума, даже когда Бен был далеко не молод.

Нисколько не смущенная тем, что ее так пристально разглядывают, Оливия подошла к постели и прикрутила газовую лампу. Затем легла и, положив голову на надушенную наволочку, устало вздохнула.

– Сегодня вечером ты держалась великолепно, дорогая. Понимаю, как ты утомлена, – сказал Карсон, протягивая руку, чтобы коснуться своими короткими, толстыми пальцами роскошных волос Оливии.

– Мерзавцы, – прошипела она, – они знают, что загнали нас в угол, и уж теперь не упустят своего, будут лягать нас, пока не добьют. Если бы я так отчаянно не нуждалась в железной дороге, ни за что на свете не стала бы тратить время на этих немецких сукиных детей.

Карсон давно привык к ее манере выражаться. Его радовало, что Оливия так откровенна с ним, значит, она ему доверяет.

– Знаю, дорогая, но какое-то время нам придется им подыгрывать. Нам и прежде случалось идти на жертвы, но это всегда приносило пользу.

– Да, но на этот раз это переходит всякие границы.

– Забудь о них и попытайся расслабиться, – сказал Карсон, прижавшись к ней своим плотным, коротким телом.

Карсон слегка погладил Оливию по щеке и быстро поцеловал ее в губы – на большее он не решался, зная, что более пылкие поцелуи не доставляют ей удовольствия. Карсон провел рукой по ее шее и груди, нежно лаская то одну грудь, то другую. У Оливии была всего одна беременность, и соски ее не потемнели, а оставались такими же розовыми, словно у юной девушки. Он наслаждался, чувствуя тепло ее тела, упругость грудей, до тех пор, пока она не стала проявлять нетерпение. Ее беспокойные движения были для него сигналом, что пора переходить к делу.

⁸ Псише – старинное зеркало в раме с особыми стержнями, благодаря которым его можно было устанавливать в наклонном положении.

Он лег на нее и не встретил сопротивления, когда его плоть вошла в ее тело. Его страсть достигла апогея и сошла на нет в считанные минуты. Он никогда не делал попыток продлить наслаждение. Монахини в Школе урсулинок⁹ в ее родном Орлеане научили Оливию: леди не должны получать наслаждение от сексуальных отношений, они покоряются и терпят это из любви. Карсон это понимал. Если у него временами и появлялось желание добиться от Оливии более теплого приема, то это было не более чем мимолетной фантазией. Его собственные крики восторга заглушала пышная подушка, в которую он зарывался лицом.

Его слегка погладили по плечу, и это было единственной короткой лаской, которой он добился. Оливия слегка прикоснулась губами к его губам и высвободилась, скорее, вырвалась из его объятий. С того самого дня двадцать лет назад, когда она, не проявляя никаких эмоций, предложила Карсону стать ее любовником, ему ни разу не позволили продлить удовольствие или насладиться созерцанием ее прекрасного тела после занятия любовью.

Сегодня, как и всегда, Оливия встала с постели и направилась в ванную. Он слышал, как там льется вода: она мылась. В спальню она вернулась, уже одетая в пеньюар.

– Карсон, у меня появилась идея. – Она начала ходить взад-вперед по дорожному ковру вдоль кровати. Ему никогда не разрешалось оставаться у нее на всю ночь, и Карсон ревновал ее к тем людям, с которыми она проводила время вне постели.

– Да, дорогая? – спросил он покорно.

По ее возбужденной жестикуляции и сосредоточенному лицу он понял, что она захвачена своей идеей. Сегодня ему опять придется удовлетвориться теми краткими ласками, которые она позволила ему.

Пока Оливия излагала свой план, Карсон слушал с все возрастающим удивлением, которого не мог скрыть. Ее план был отчаянным и опасным, умным и талантливым, нереальным и вполне достижимым. Поначалу возражал против мотивов, приведших к рождению этого плана, негодовал на предложенные ею методы достижения цели, но в конечном итоге, как всегда, согласился помочь ей.

⁹ Урсулистки – монахини женского католического ордена святой Урсулы.

6

Пока Оливия излагала свой план, который самым драматическим образом скажется на судьбе Лорен, девушка ворочалась в своей постели, тщетно пытаясь заснуть. Она беспокойно металась, и мириады мыслей роились в ее голове, вдребезги разбивая спокойствие, которое ей с трудом удавалось сохранять в доме Локеттов.

Оливия и Карсон были загадкой, разрешить которую она не могла. В какой-то момент Лорен казалось, что они понимают, какая она на самом деле, и принимают ее, но уже в следующий она чувствовала явную угрозу с их стороны. Карсон был добр к ней, но он служил Оливии. Оливия же относилась к Лорен со сдержанной холодностью, и это было самой слабой характеристикой ее поведения.

Вандайверы Лорен напугали. Она никогда не присутствовала при обсуждении сделок, и ее поразили черствость и неуступчивость Паркера. Что касается Курта, то он, вне всякого сомнения, был таким же алчным и тщеславным, как его отец.

Вспомнив этого молодого человека, Лорен задрожала, как от холода, несмотря на теплое одеяло. Он был по-своему красив, если нашлись бы ценители такого рода красоты, чувственной и грубой, но ее отталкивало его тяжелое, сильное тело, а от его елейного, вкрадчивого голоса ей становилось дурно. Она чувствовала, что от него тоже исходит угроза, но совсем не такая, какую она чувствовала в Джереде Локетте.

Джеред... сын Бена был распутником и негодяем, пьяницей и бабником, но почему Лорен все время думает о нем? Почему его длинное, худое тело так привлекает ее? Почему ее мучает желание дотронуться до него?

Лорен прошла инициацию и была посвящена в тайны процессов, происходящих в женском организме. Но Доротея Харрис объяснила Лорен только азы сложной науки, когда ей исполнилось одиннадцать лет, так что ее познания в вопросах секса были прискорбно скудными.

Ей было пятнадцать, когда она осознала, что между мужчинами и женщинами существует некое таинственное и странное влечение, некая непонятная реакция друг на друга. Однажды ей случилось быть на пикнике в честь возвращения участников испано-американской войны на Кубе. Она сидела с книгой в тени дерева, когда ее внимание привлекли молодой солдат и его хорошенькая жена. Лорен знала их обоих. Они прожили вместе всего несколько недель перед его уходом на войну.

Молодые люди сидели под соседним деревом, крепко прижавшись друг к другу. Они не разговаривали, но их взаимная любовь была очевидна. Они не отрываясь смотрели друг другу в глаза. Рука молодой женщины покоилась на бедре мужа, и кончиками пальцев она ласкала его. Тайком, из-под очков, Лорен наблюдала за ними и видела, как он взял ее руку, поднес к губам и страстно поцеловал ладонь. Потом снова положил ее руку себе на бедро и крепко прижал ее.

По какой-то непонятной причине сердце Лорен тяжело забилось. Она почувствовала, как все ее тело обдало жаром, и какое-то странное жжение в нижней части тела. Ее груди напряглись и заныли, а соски поднялись и отвердели под блузкой. Ей было неприятно и стыдно, что ее тело так бурно отреагировало на увиденное и что эта реакция возникла в интимных частях ее тела.

Мужчина наклонился и что-то прошептал на ухо жене. Она улыбнулась и кивнула. Он встал, протянул руку, чтобы помочь ей подняться, потом страстно поцеловал ее в губы. Лорен почувствовала, что ей стало трудно дышать.

Они обменялись улыбками и тихонько ушли с пикника. Они ни с кем не попрощались, и, видимо, Лорен была единственной свидетельницей их ухода.

Эти тревожные, но восхитительные ощущения, которые она испытала много лет назад, когда тайком наблюдала, как молодая пара обменивалась ласками, были почти забыты Лорен. Но, когда сегодня днем она неожиданно увидела Джереда Локетта, опирающегося о дверной косяк, они всплыли в памяти с поразительной живостью. Почему?

В янтарных глазах она прочла презрение к себе и была глубоко уязвлена этим. Что она сделала? За что он презирает ее? Даже полные ненависти, отвратительные слова, брошенные ей Уильямом, не ранили ее так, как этот понимающий взгляд и презрительный изгиб чувственных губ Джереда.

Он не сводил с нее глаз в течение всего обеда. Курт тоже наблюдал за ней. Но его взгляд был холодным и оценивающим, глаза же Джереда жгли ее, как языки золотого пламени.

Все ее тело трепетало под ночной рубашкой. Она закрыла глаза, но от этого образ Джереда стал еще более отчетливым.

Лорен снова мысленно переживала тот миг, когда его голова оказалась прижатой к ее груди. Она ощущала его дыхание на своем лице и пыталась представить, каково это, чувствовать его губы на своих губах. У нее вырвался глубокий, потрясший все тело вздох, и она застонала, уткнувшись лицом в подушку. Ей хотелось узнать это.

Настенные часы в кабинете пробили восемь. Настало утро, первое после обеда в обществе Вандайверов. В ушах Лорен бой часов звучал как предвестие несчастья, пока она сидела за столом с Карсоном и Оливией в ожидании Джереда.

Оливия с решительным видом, прямая и угрюмая, сидела за своим письменным столом. Карсон нервничал и явно чувствовал себя не в своей тарелке. Время от времени он вытирал влажный лоб льняным носовым платком. Лорен медленно и изящно пила маленькими глоточками чай.

После беспокойно проведенной ночи Лорен проснулась рано. Быстро надела свою тяжелую темно-бордовую юбку и бежевую блузку. Не дожидаясь Елены, небрежно собрала и сколола волосы на затылке и вышла из комнаты. Возможно, и не было смысла так спешить к завтраку, но Лорен не хотелось, чтобы Оливия сочла ее лентяйкой.

По дороге в столовую ее перехватил Карсон и попросил присоединиться к нему и Оливии в кабинете, где они уже раз принимали ее. Она продолжала считать эту комнату кабинетом Бена, потому что все в ней хранило отпечаток его личности.

Лорен вошла в кабинет следом за Карсоном и налила себе чашку чая, щедро насыпав туда сахару. Интуиция подсказывала ей, что предстоящий разговор потребует от нее немало сил. Полные щеки Карсона покраснелись, и он избегал смотреть ей в глаза, когда передавал приглашение, которое Лорен сразу расценила как приказ. Нервозность Карсона передалась ей.

Атмосфера в кабинете была напряженной. Лорен сразу почувствовала это. Но почему? Она не могла ответить на этот вопрос. Может быть, после событий вчерашнего вечера они собирались вежливо попросить ее уехать. У них достаточно хлопот из-за этой железной дороги, и ей было бы понятно их желание избавиться от присутствия постороннего человека.

Неясно только, какую роль во всем этом играет Джерред, почему он должен присутствовать при разговоре? Она предпочла бы обойтись без его участия, хотя ему, несомненно, доставит удовольствие узнать о постигшем ее несчастье или об унижении, мрачно размышляла Лорен.

Услышав звук приближающихся шагов, Лорен вздрогнула. Сапоги протопали по холлу, дверь открылась, и Джерред вошел в комнату. Мрачно посмотрев на мать, он произнес:

– Раз уж ты вытащила меня из постели в такую рань, надеюсь, что дело у тебя важное. Но должен сказать, что вчера я поздно вернулся и чувствую себя чертовски скверно. Мне необходимо выпить кофе.

Он вышел, и, дожидаясь его возвращения, никто не проронил ни слова. Наконец Джеред появился с дымящейся чашкой кофе в руке. Сделав большой глоток, он тихо чертыхнулся сквозь зубы, видимо, кофе был слишком горячий.

В отличие от тщательно одетой и причесанной Оливии, Джеред не потрудился привести себя в порядок. Его волосы были взъерошены, а мятая белая рубашка небрежно заправлена в такие же мятые штаны. Сапоги, вчера сверкавшие как зеркало, сегодня казались старыми и поношенными. Он развалился в кресле в небрежной позе, которая была уже знакома Лорен. Ее и Карсона он совершенно игнорировал.

– Если бы дело не было важным, Джеред, я бы не побеспокоила тебя, – спокойно отозвалась Оливия, не замечая его подчеркнутой грубости. – Вчера вечером после отъезда Вандайверов у нас с Карсоном была продолжительная беседа. Мы пришли к некоторым выводам и приняли решение, о котором хотим сообщить тебе и которое, как я надеюсь, разрешит наши проблемы с Паркером.

Карсон снова вытер платком потный лоб и нервно облизал губы. «Если они собираются возобновить вчерашнюю баталию, – подумала Лорен, – я предпочла бы вернуться в свою комнату и заняться корреспонденцией Оливии. Или начала бы упаковывать свои вещи».

– Почему-то мне кажется, что я не одобрю ваш план, – сказал Джеред с каменно-спокойным лицом. – Ты знаешь мое отношение к этим ослам. Я не уступлю ни дюйма земли Локеттов.

– Мне они тоже не особенно нравятся, к тому же я им не доверяю. Но мне нужна эта железная дорога, Карсон разделяет мое мнение, и твой отец хотел ее построить.

– Бен не был настолько в ней заинтересован, чтобы позволить себе вступить в сделку с таким вором, как Вандайвер.

– Джеред, твоя мать пытается объяснить тебе, что нам стоит пожертвовать малым, чтобы получить большее.

Карсон смотрел на молодого человека почти умоляюще.

– Я знаю, почему ты не хочешь построить заправку даже на самом маленьком притоке Рио-Кабалло. Некоторые фермеры и скотоводы пострадают от этого, но мы сделаем для них все, что в наших силах. Мы не собираемся их разорять.

Джеред внимательно смотрел на Карсона, пока тот говорил, выражение его лица не изменилось, оставаясь таким же непреклонным, как и вчера вечером. Он сжал зубы, и Лорен заметила, как заиграли желваки у него на скулах.

Опустив голову, Джеред помешивал кофе и молчал. Глубокая морщина пролегла между сурово сдвинутыми бровями. Когда он снова поднял голову, лицо его совершенно преобразилось. Оно выражало упрек и отвращение, когда он переводил взгляд с матери на Карсона, и наконец опять приняло равнодушно-непроницаемое выражение.

– Делайте что хотите. Мне плевать. Вы оба вполне достойные партнеры Вандайверов, – с вызовом произнес Джеред, пожав плечами.

Он поставил чашку на стол и сделал движение встать, но Оливия удержала его:

– Постой, Джеред. Боюсь, все не так просто. Сядь.

Его решительное лицо выразило нетерпение, но он послушно уселся, положив ногу на ногу.

– Похоже, Джеред, твое отношение к строительству дороги очень интересует тех, кто собирается вложить деньги в этот проект. Твое вчерашнее поведение уже стало достоянием гласности. Не сомневаюсь, что оно только упрочит их нелестное мнение о тебе. Ты должен поддержать этот проект или хотя бы делать вид, что поддерживаешь. Строительство электростанции так же, как и строительство железной дороги, нуждается в твоём благословении, особенно теперь, когда ты наследуешь дело своего отца.

– Наследую? Да это курам на смех, – пробормотал он язвительно.

Оливия не обратила на замечание сына ни малейшего внимания.

– Конечно, Карсон и я будем вести дела до тех пор, пока ты не почувствуешь, что готов принять ответственность на себя. Но в глазах общества ты обязан выглядеть достойным продолжателем дела Бена Локетта, и этот образ должен выглядеть убедительно.

Оливия, сделав многозначительную паузу, продолжила:

– Вот почему мы считаем, что тебе следует как можно скорее жениться... И жениться на мисс Холбрук.

Ее последние слова повисли в воздухе, как бы поддерживаемые потоком различных эмоций, охвативших собравшихся в кабинете людей.

Кровь застучала в висках Лорен, в ушах зазвенело, ей показалось, что внутри у нее полыхает огонь, в то время как тело покрылось холодным потом.

Оливия по-прежнему оставалась безмятежно-спокойной. Она сидела невозмутимая и царственная, ожидая, пока верноподданные попросят ее вернуться к обсуждению важных государственных вопросов.

Взгляд Карсона метался от Лорен к Джереду и Оливии и снова возвращался к Лорен. Он не мог понять, какое впечатление произвело на девушку заявление Оливии. Она смотрела прямо перед собой, будто все чувства оставили ее.

Реакция Джереда удивила всех. Он вскочил и забегал по кабинету, сотрясаясь от приступа неудержимого смеха. Он хохотал, пока совсем не обессилел, уронив голову на подоконник.

Наконец, сделав несколько глубоких вдохов, он смог произнести:

– Ты не могла сказать это серьезно! Жениться на мисс Холбрук! Да я в жизни не слышал более веселой шутки и никогда так не смеялся.

Джеред вытер выступившие на глазах слезы, в эту минуту, как показалось Лорен, он стал поразительно похож на Бена. И только это воспоминание затронуло ее потрясенное сознание.

Оливия совершенно не смутилась и спокойно ответила:

– Я вовсе не шучу, Джеред, и, думаю, ты поймешь почему, если дашь мне закончить и все объяснить.

– Я не нуждаюсь в объяснениях, мама. Это абсурд! – вскричал Джеред. Он указал пальцем на Лорен: – Да у нее еще молоко на губах не обсохло.

– Мисс Холбрук уже двадцать. Бен говорил мне...

– Я говорю вовсе не о ее возрасте. Я говорю...

– Знаю, о чем ты говоришь, – заметила Оливия. – Это весьма не похоже на то, что ты заявлял раньше. Помнится, ты обвинил отца в том, что он тащит в дом свою шлюху, когда Бен рассказал нам о ней.

Лорен буквально задохнулась от гнева, потрясенная такой несправедливостью. Ведь Джеред даже не был с ней знаком! Какое право он имел так думать о ней! Прежде чем она успела набрать достаточное количество воздуха, чтобы выразить свое возмущение, Оливия снова заговорила:

– Мы сочинили достаточно правдоподобную историю о том, что она сестра твоего однокашника. Для пущей убедительности мы скажем, что ты влюбился в нее, когда гостил в их доме. Твой отец хотел сделать тебе сюрприз и пригласил ее сюда, и теперь ты не сможешь вынести ее отъезда. И вы оглянуться не успеете, как окажетесь женаты.

Она подняла руку, готовясь отместить предполагаемые возражения.

– Мы рассчитываем, что ты будешь вести себя скромнее... Но это не означает, что ты должен изменить образ жизни. Лорен образованная и воспитанная девушка, и женитьба на ней будет последним штрихом, необходимым для твоего нового имиджа.

Джеред прислонился к стене, скрестив ноги и сложив руки на груди. В голосе его звучала насмешка, когда он процедил сквозь зубы:

– Вчера вечером мы не произвели впечатления любящей пары. И неужели ты, черт возьми, считаешь, что Вандайверы попадутся на эту удочку? Такие хитрецы, как они, вряд ли поверят этому фарсу.

– Мы скажем, что Лорен посчитала неприличным устраивать свадьбу сразу после смерти Бена и что вы из-за этого поссорились. – И, как бы отметая все дальнейшие возражения, констатировала: – Вы поженитесь немедленно. Достаточно ли ясно я выразилась?

Несколько минут Джеред спокойно смотрел на мать. Когда он заговорил, в его тоне не осталось и намека на веселье, голос был тихим и угрожающим:

– Почему, черт побери, ты все решаешь за меня?! Я уже готов согласиться с твоим планом строительства железной дороги, но тебе этого мало, ты еще хочешь навязать мне жену. Отрезаешь мне все пути. Черта с два!

Оливия улыбнулась довольной улыбкой:

– Думаю, в этом есть смысл, Джеред. Случилось так, что я слышала вашу ссору с Беном в ночь перед его смертью. Не хочешь ли сказать мисс Холбрук, почему Бен заманил ее сюда?

Джеред побледнел, в глазах его появилась боль. Он стоял прямо, опустив сжатые в кулаки руки.

– Нет?

Оливия повернулась к Лорен:

– Ну, Лорен, похоже, Бен предназначал вас для Джереда. Он притащил вас сюда в надежде, что ему посчастливится увидеть сына женатым, устроить его жизнь.

Она снова посмотрела на Джереда.

– Не кажется ли тебе, что есть в этом некая ирония судьбы? Наконец-то наши с отцом интересы совпали. А, Джеред? Ведь именно твой категорический отказ подчиниться его воле, твое обещание сделать пребывание здесь Лорен максимально невыносимым и вызвали у Бена сердечный приступ. Думаю, ты обязан выполнить последнюю волю отца, не так ли? – Она откинулась на спинку кресла и улыбнулась.

Джеред так сжал челюсти, что они казались каменными. Отвернувшись к окну, он пытался справиться с душившей его бессильной яростью.

Лорен никак не могла выйти из шока. Что здесь происходит? Почему эти люди говорят о ней как о неодушевленном предмете, который не может ни слышать, ни видеть, ни говорить? Бен пригласил ее сюда, чтобы женить этого бездельника?! Как он мог быть таким бессердечным?

И Оливия, и Джеред знали о его планах, возможно, и Карсон тоже знал. Все они были в сговоре и пытались обмануть ее. А как они унизили ее, высказывая притворное сомнение в ее добродетели.

Оливия обратила к ней жесткий взгляд своих холодных зеленых глаз:

– Лорен, мы еще не слышали, что вы думаете обо всем этом.

Было ясно, что этот вопрос она считала пустой формальностью. Оливия не терпела, когда ей возражали.

Видя, что Лорен не в состоянии говорить, Карсон неуверенно предостерег:

– Оливия, возможно, мы далеки от того, чтобы правильно увидеть и оценить ситуацию. Дайте им время...

– Нет, – возразила Оливия, – чем скорее, тем лучше, Карсон. Я не сомневаюсь, что, когда Лорен услышит, в чем состоит суть нашего предложения, она тотчас же согласится.

Лорен встретилась глазами с Оливией и почувствовала, как в ней поднимается страстное желание противостоять этой женщине. Она никогда не сможет заставить ее вступить в этот брак. Никогда.

Прежде чем Лорен успела открыть рот, чтобы высказать все, что она думает об этой семейке, Оливия снова заговорила:

– Лорен, не подумайте, что мы не предложим вам никакой компенсации. Вот наши условия. Вы не станете расторгать брак до тех пор, пока будет идти строительство железной дороги. Как только строительство закончится и мы отпразднуем это событие, вы вольны ехать куда пожелаете. За потраченное вами время и за все связанные с этим трудности мы заплатим вам двадцать тысяч долларов наличными.

– Я не возьму от вас ни цента, Оливия! – воскликнула Лорен, даже не поняв, что впервые назвала миссис Локетт по имени. Это последнее оскорбление переполнило чашу ее терпения. Оливия осмелилась купить ее согласие на брак с Джередом!

Она не обратила внимания на презрительный смешок, прозвучавший с того места, где стоял Джеред. Не спуская глаз с Оливии, Лорен хрипло прошептала:

– Это невозможно. Вы, конечно же, шутите!

Оливия смотрела на нее молча. Лорен перевела взгляд на Карсона, вытиравшего платком влажные руки. Человек у окна оставался неподвижным и, казалось, был погружен в раздумье. Он предоставил ей сражаться одной, в то время как им следовало бы объединиться, стать союзниками. Гнев придал ей храбрости.

– Я ни за кого не выйду замуж. Я вообще не хочу выходить замуж, – объявила она, вызывающе вздернув подбородок.

Оливия снисходительно рассмеялась:

– Моя дорогая Лорен, я вовсе не настаиваю на том, чтобы вы и Джеред сочетались браком в библейском смысле слова. Этот союз не обязательно должен увенчаться плодами. – И снова Лорен услышала презрительный смешок со стороны окна, где стоял Джеред.

– Я полагала, что наше предложение имеет некоторую привлекательность. Вам не придется возвращаться в этот мрачный пасторский дом, ведь верно? А когда вы покинете этот дом, то будете независимой женщиной со средствами.

– Я буду к тому же замужней женщиной, – произнесла Лорен.

Оливия уже не скрывала раздражения:

– Фиктивный брак можно легко аннулировать. Но сейчас речь не об этом. Думать надо о том, что в качестве жены Джереда вы будете вести совсем неплохую жизнь.

Оливия глядела прямо в лицо Лорен прищуренными зелеными глазами.

– Может быть, в Северной Каролине вас кто-нибудь ждет? И в этом причина вашего упорства.

– Нет, – прошептала Лорен. Она содрогнулась, вспомнив, как смотрел на нее Уильям. – Нет, – повторила она решительно и, почувствовав себя увереннее, бросилась в бой: – Если вы все время знали, зачем Бен вызвал меня сюда, почему не сказали об этом мне?

– Вот вам урок на будущее, Лорен. Собери всю возможную информацию, а потом храни ее до подходящего момента. Если бы обстоятельства сложились иначе, вы уехали бы через два месяца, так ничего и не узнав. – Она натянуто улыбнулась. – Конечно, Бен был романтиком и надеялся, что вы с Джередом понравитесь друг другу. В таких вопросах мой муж всегда был дурак дураком.

Лорен была потрясена ненавистью в голосе Оливии и не нашлась что ответить.

Оливия резко встала и заходила по кабинету.

– Если обсуждение этого вопроса закончено, я должна заняться необходимыми приготовлениями.

Она посмотрела на Джереда, потом на Лорен. Оба промолчали, и Оливия сделала Карсону знак следовать за собой. Прежде чем выйти из комнаты, Карсон похлопал Лорен по плечу и двинулся вслед за жесткими шелестящими юбками Оливии.

Лорен была в смятении. Почему она продолжает сидеть здесь?

Ей уже давно пора быть наверху и собирать свои вещи. Ей следовало немедленно бежать из этого дома. Она смотрела перед собой пустым, ничего не выражающим взглядом, а в мыслях у нее царил сумбур.

Из чего ей было выбирать? Она не могла вернуться назад, в Северную Каролину, встретиться с Уильямом и своими бывшими опекунами. Эта глава ее жизни была прочитана и закрыта. По крайней мере для нее.

Ей предстоит брак без любви, с совершенно чужим человеком. Но не навечно же. Зато у нее будет с чего начать, когда она расстанется с Локеттами. И уж как-нибудь она переживет позор развода. Возможно, ей даже удастся выдавать себя за вдову, если уехать достаточно далеко от Техаса. А тем временем она могла бы жить вполне прилично.

Что еще ей остается? Мелькнула мысль об Эде Треверсе и его любезном предложении оказать ей помощь.

Может быть, он мог бы достать ей место официантки в заведении Харви? Но Лорен тотчас признала эту идею никуда не годной. Ее умение развлекать гостей в приличном доме совершенно не годилось для работы официанткой в ресторане. Да и вряд ли она была способна бегать с тяжелыми подносами и спать в одной комнате с другими девушками, считая минуты уединения, если на таковые вообще можно рассчитывать.

«За» и «против» боролись в ее сознании, сменяя друг друга, но в конце концов она приняла положительное решение, и главным доводом было то, что сказала Джереда Оливия: «Бен хотел этого. Бен выбрал ее для своего сына». Почему? Ее мучила мысль, что ответ на этот вопрос она так и не узнает.

Лорен настолько погрузилась в свои мысли, что почти забыла о присутствии Джереда. Он так и стоял у окна спиной к ней. Почему он молчит?

Она посмотрела на Джереда, пытаясь угадать, о чем он думает, и таким образом хоть ненадолго приподнять завесу будущего. Оливия дала понять достаточно ясно, что его жена для него будет чисто символической фигурой. Она навсегда останется невестой и никогда не будет женой. Потому что это фиктивный брак. Сердце Лорен мучительно сжалось, потом забилося с удвоенной силой. Она толком ничего не знала о физических отношениях между мужчиной и женщиной, но понимала, что имела в виду Оливия.

Они должны поговорить. Прежде чем дать свое согласие на этот нелепый брак, она должна узнать, что чувствует он. Лорен решительно, но все же с оттенком робости поднялась со стула и подошла к нему:

– Мистер Локетт?

Она заметила, что при звуке ее голоса он мгновенно напрягся и медленно повернулся на каблуках лицом к ней.

Он ничего не сказал, только посмотрел на нее этим своим холодным, насмешливым взглядом, крепко сжав губы, которые превратились в жесткую, узкую линию.

– Я... я хочу знать... – заикаясь, пробормотала Лорен, но он перебил ее:

– Вы проглотили наживку, крючок и даже удочку, верно? Вы и надеяться не смели на такую удачу. Получить уйму денег! И мужа в придачу! Старая дева, священникова дочка, и вдруг такой скачок по социальной лестнице.

Он ронял жестокие, грубые слова с явным намерением оскорбить ее. Неужели он действительно так думает? Неужели считает, что она знала о планах Бена, касавшихся ее будущего? От гнева и стыда на глазах у Лорен появились слезы, и она с мольбой посмотрела на него:

– Мистер Локетт, вы должны...

Он резко схватил ее за плечи и встряхнул своими сильными руками. Ее голова откинулась назад, волосы распустились и рассыпались по спине.

Сквозь сжатые зубы, но притворно ласковым голосом он прошептал:

– При сложившихся обстоятельствах мы могли бы обойтись и без официальности: никаких «мистер» и «мисс», меня зовут Джеред. Ну-ка назовите меня так! – скомандовал он.

Его руки еще крепче сжали ее плечи, у Лорен застучали зубы, она начала дрожать и все же ухитрилась, задышавшись, произнести:

– Джеред.

Крупная слеза, как сверкающий драгоценный камень, скатилась по ее щеке. Эта одинокая слезинка привела Джереда в еще большую ярость.

– Не могу понять, как вы смогли одурачить такого умного и проницательного человека, как мой отец, но не воображайте, что вам удастся и меня провести. Я равнодушен к женским слезам, и ваши бездонные серые глаза на меня не действуют, ясно?

Он еще раз встряхнул ее.

– Мы оба вляпались в историю. Держитесь от меня подальше, и, возможно, нам удастся пережить это. Старик Бен славился своими шуточками, и, кажется, последнюю из них он сыграл со мной. Не сомневаюсь, что в вас он нашел весьма сговорчивого партнера.

– Нет! – воскликнула Лорен. – Я ничего не знала о его планах. Бен только раз мимоходом упомянул о вас. Я не...

– В таком случае вы еще глупее, чем я думал. Вы вообразили, что Бен имел на вас виды? Тогда получается, что он и над вами подшутил. Вы погнались за славным, богатым и старым мужем, который в ближайшем будущем должен сделать вас богатой вдовой. Я прав?

Последние слова он буквально прокричал ей в лицо, изо всех сил сжимая ее плечи. Подняв голову, Лорен встретила взгляд его янтарных глаз, вспыхнувших вдруг каким-то странным огнем.

Джеред смотрел сверху вниз на ее умоляющее лицо, и невольно охвативший его гнев сменился удивлением. Их тела были тесно прижаты друг к другу – нежность и твердость, слабость и сила, женственность и мужественность. Этот контраст был слишком заметен, чтобы можно было не обратить на него внимания.

Возможно, за секунду до этого Джеред и не подозревал о том, что сделает, но не смог удержаться и прижался губами к ее губам с такой силой, что причинил ей боль. Он хотел оскорбить Лорен, унижить еще больше, вывести ее из себя, но ее тело было таким податливым, губы нежными, теплыми, невинными, что грубость превратилась в нежность, в этом поцелуе как бы заключался вопрос, на который он ждал от нее ответа.

Его руки медленно обвили ее талию, стараясь притянуть ее еще ближе. Джеред не обращал внимания на слабое сопротивление девушки, и, положив одну руку ей на затылок, он не давал ей возможности повернуть голову. Так они и стояли, прижавшись друг к другу, пока губы Лорен не раскрылись, уступая его нажиму. Пальцы Джереда бессознательно сжали густые пряди ее волос.

Его язык начал обшаривать ее рот, сладостный и не похожий ни на один из тех, которые он когда-либо целовал. Он чувствовал, как напряглись ее соски под тонкой тканью блузки, и от этого Джеред совсем потерял голову, его рот стал еще более настойчивым и жадным.

Сознание Лорен впитывало новые ощущения – жесткость его щетины, вкус кофе у него во рту, слабый запах табака, прикосновение его губ и языка... Послышался глухой стон. Что это?

Джеред так резко оттолкнул ее, что она чуть не упала, потеряв равновесие. Лорен еще не пришла в себя и, прижав обе руки ко рту, вопросительно смотрела на Джереда, который, кажется, утратил все свое спокойствие.

Он тяжело дышал, опустив руки и не спуская с нее глаз. Постепенно он успокоился, лицо приняло уже знакомое ей равнодушно-презрительное выражение.

– Очень мило, Лорен, – сказал он с усмешкой, – но я вам говорил, что со мной этот номер не пройдет. Вам захотелось сравнить отца и сына? – Джеред рассмеялся коротким лающим смехом. – Да будь я проклят, если когда-нибудь позарюсь на обеды моего отца!

Словно красная пелена поглотила сознание Лорен, превратив все ее существо в сгусток невыносимой, слепой ярости. Она бросилась на Джереда, размахнулась и изо всех сил ударила его по щеке.

7

Джеред был слишком изумлен, чтобы как-то отреагировать. Лорен смотрела на него широко открытыми темными глазами, грудь ее вздымалась от волнения. В любой другой ситуации он счел бы ее гнев нелепым и смешным, и это только позабавило бы его. Сейчас же он стоял неподвижно, как изваяние, слушая ее язвительные слова:

– Вы невыносимы, Джеред Локетт. Никогда, никогда, – она топнула маленькой ножкой, – никогда в жизни меня так не оскорбляли. – Она повернулась и вышла из комнаты, оставив Джереда в явном замешательстве.

Лорен бежала вверх по лестнице, совсем забыв, как должна вести себя настоящая леди. Ее юбка развевалась, открывая тонкие щиколотки. Она влетела в свою комнату с залитым слезами лицом, повторяя:

– Ненавижу его! Он отвратителен, отвратителен. Они все отвратительны.

Она упала на кровать и зарылась лицом в подушку, поглотившую ее рыдания. Гнев и отчаяние душили ее. Почему? Почему он так думает о ней? Ее неведение они принимают за хитрость и порочность. Оливия и Карсон не верят, что они с Беном не были любовниками. Джеред тоже подозревает ее в корыстных побуждениях.

Даже Абель и Сибил, любившие ее, как родную дочь, готовы были поверить злым наговорам Уильяма. Смущение и недоверие, когда Уильям начал рассказывать им свои басни, сменились презрением и отчуждением. На их лицах было такое же выражение, какое она видела на лице Джереда несколько минут назад. Она не сделала ничего, что дало бы им повод осуждать ее.

Уильям. Даже теперь, когда память о нем потускнела, боль, виновником которой он был, вдруг вернулась с прежней остротой.

В тот день Бен Локетт уехал рано утром, сразу после завтрака, а Пратеры внезапно решили поехать на день в Рэли. Абель пригласил Лорен поехать с ними, но целый день в обществе священника и его жены, как она их ни любила, показался Лорен не слишком заманчивой перспективой, и, сославшись на вымышленную головную боль, она отказалась и попросила их не менять из-за нее своих планов. И в самом деле Сибил уже предвкушала удовольствие от посещения многочисленных магазинов и мысленно перебирала возможные места, где можно было хорошо пообедать.

Когда Пратеры наконец собрались, Лорен весело помахала им на прощание. Она была безмерно благодарна судьбе за возможность провести день в одиночестве. Ей нужно было время, чтобы привести в порядок свои чувства и свыкнуться с мыслью о невозможности начать новую жизнь. Ведь она сама отказалась от предложения Бена.

День прошел незаметно. Лорен разучивала на фортепиано новую пьесу и повторяла ее до тех пор, пока не осталась довольна собой. Час она провела в постели за чтением романа, но ее мысли постоянно возвращались к Бену Локетту. Она понимала, что никогда больше его не увидит, но всегда будет о нем помнить. Он был так добр к ней. Как бы она хотела иметь такого отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.